

КНИГА #1 ИЗ ТРИЛОГИИ ВЫЖИВАНИЯ

МОРГАН РАЙС

ПЕРВАЯ АРЕНА

ОХОТНИКИ ЗА ГОЛОВАМИ

Трилогия выживания

Морган Райс

**Первая Арена.
Охотники за головами**

«Lukeman Literary Management Ltd»

2012

Райс М.

Первая Арена. Охотники за головами / М. Райс — «Lukeman Literary Management Ltd», 2012 — (Трилогия выживания)

«Сегодня еще тяжелее, чем обычно. Ветер безжалостно стряхивает огромные кучи снега с мощных сосен и бросает мне прямо в лицо, в то время как я упорно взбираюсь в гору. Мои ноги, втиснутые в ботинки слишком маленького размера, исчезают в глубоких сугробах. Я скольжу, отчаянно пытаюсь прийти в устойчивое положение. От резких порывов ветра у меня спирает дыхание. Кажется, скоро я стану просто глыбой снега...»

Содержание

О Морган Райс	6
Избранные отзывы о Морган Райс	7
Часть I	9
Один	9
Два	18
Три	33
Четыре	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Морган Райс

Первая Арена. Охотники за головами

Copyright © 2012 by Morgan Rice

Все права защищены. За исключением случаев, предусмотренных законом США об авторском праве от 1976 года, запрещено копировать, распространять или передавать данное произведение и его части в любой форме и любыми средствами, а также хранить в любой базе данных или системе поиска без письменного разрешения владельца авторских прав.

Данная электронная книга предназначена только для личного пользования. Данную электронную книгу запрещено перепродавать или передавать другим лицам. Если вы желаете поделиться этой книгой с другим лицом, просим вас приобрести дополнительную копию книги для этого человека. Если вы читаете эту книгу, но вы ее не покупали, или она не была приобретена специально для вас, просим вас вернуть книгу и приобрести собственную копию произведения. Благодарим за проявленное уважение к работе автора.

Данная книга является художественным вымыслом. Имена, герои, названия организаций, мест, событий и происшествий являются вымышленными. Любое совпадение с реальными людьми, ныне живущими или умершими, является случайным.

* * *

О Морган Райс

Морган Райс – автор ряда бестселлеров:

«ДНЕВНИКИ ВАМПИРА» (серия для подростков, состоящая в данный момент из 11 книг, их число постоянно растёт);

«ТРИЛОГИЯ ВЫЖИВАНИЯ» (постапокалиптический триллер – на настоящий момент – две книги, ожидается продолжение);

эпическое фэнтези «КОЛЬЦО ЧАРОДЕЯ» (в настоящее время – четырнадцать книг, ожидается продолжение).

Книги Морган доступны в аудиоформате и в печатном виде, в настоящее время они переведены на немецкий, французский, итальянский, испанский, португальский, японский, китайский, шведский, датский, турецкий, венгерский, чешский и словацкий языках (и количество языков растёт!).

Морган Райс очень рада получать от вас письма, поэтому, пожалуйста, не стесняйтесь, заглядывайте на её личный сайт www.morganricebooks.com. Там вы сможете присоединиться к списку рассылки, получить бесплатно книгу, выиграть призы, скачать бесплатное приложение, узнать самые последние эксклюзивные новости, и даже связаться с автором по Facebook и Twitter!

Избранные отзывы о Морган Райс

«Признаюсь, что до „Первой Арены“ я никогда не читал что-то постапокалиптическое. Я никогда не думал, что мне такое понравится... Что ж, я был приятно удивлен, ведь книга оказалась очень затягивающей. „Первая Арена“ – это одна из тех книг, что ты читаешь до поздней ночи и не можешь отложить в сторону до тех пор, пока твои глаза не начинают слипаться... Я люблю сильных героинь в книгах, которые читаю... Главная героиня „Первой Арены“, Брук, – жёсткая, сильная, непреклонная и, хотя в книге присутствует романтика, но не она движет Брук... Я настоятельно рекомендую ПЕРВУЮ АРЕНУ.»

Dallas Examiner

«Райс проделала отличную работу, погрузив нас в историю с самого начала. У неё необыкновенные способности к описанию, которые не ограничиваются просто обрисовкой сюжета... Хорошо написано и невероятно легко читается.»

Black Lagoon Reviews (про Обращенную)

«Идеальная история для молодых читателей. Морган Райс отлично закрутила сюжет... Свежо и необычно. В центре истории – девушка... необыкновенная девушка! Книга легка для чтения и очень динамична... Для детей старше 10 лет.»

The Romance Reviews (про Обращенную)

«Книга с самого начала захватила мое внимание и не отпустила до конца. Эта история – потрясающее приключение, насыщенное событиями с самых первых страниц. Во всей книге вы не найдете ни одного скучного момента.»

Paranormal Romance Guild (про Обращенную)

«Прекрасная смесь экшена, романтики, приключений и интриги. Стоит взять ее в руки, как ты уже влюблен в нее.»

Vampirebooksite.com (про Обращенную)

«Прекрасный сюжет, это как раз такая книга, которую просто невозможно перестать читать до ночи. Непредсказуемая концовка настолько захватывает, что вы немедленно купите следующую книгу, чтобы узнать, что произошло дальше...»

The Dallas Examiner (про Любимую)

«Эта книга конкурирует с „Сумерками“ и „Дневниками вампира“, вы не сможете оторваться от нее, пока не перевернёте последнюю страницу! Если вам нравится читать про приключения, любовь и вампиров, то эта книга именно для вас!»

Vampirebooksite.com (про Любимую)

«Морган Райс еще раз подтвердила свое звание невероятно талантливого рассказчика... Книга понравится широкой аудитории, включая молодых

поклонников книг про вампиров/фэнтези. Развязка такая неожиданная, что просто шокирует...»

The Romance Reviews (про Любимую)

«В „Кольце чародея“ присутствуют все ингредиенты мгновенного успеха: заговор, контрзаговор, тайна, храбрые рыцари, яркие отношения и разбитые сердца, обман и предательство. Она будет занимать ваше внимание часами и понравится читателям всех возрастов. Рекомендуются в домашние библиотеки всех любителей фэнези.»

Books and Movie Reviews, Roberto Mattos

*«Умри я час назад, я жизнь бы прожил
Счастливец, ибо для меня теперь
Все стало прахом в этом брэнном мире»*

Шекспир, Макбет

Часть I

Один

Сегодня еще тяжелее, чем обычно. Ветер безжалостно стряхивает огромные кучи снега с мощных сосен и бросает мне прямо в лицо, в то время как я упорно взбираюсь в гору. Мои ноги, втиснутые в ботинки слишком маленького размера, исчезают в глубоких сугробах. Я скольжу, отчаянно пытаюсь прийти в устойчивое положение. От резких порывов ветра у меня спирает дыхание. Кажется, скоро я стану просто глыбой снега.

Бри говорит, что сейчас декабрь. Ей нравится считать дни до Рождества и каждый день зачеркивать цифры на найденном где-то старом календаре. Она делает это с таким энтузиазмом, что я не могу заставить себя сказать ей, что сейчас вовсе не декабрь. Не говорю я ей и того, что календарю этому уже три года, а нового у нас нет и никогда не будет – их перестали производить в тот день, когда мир, каким мы его знали прежде, закончил свое существование. Я не буду отбирать у нее мечту – не для этого нужны старшие сестры.

К тому же Бри твердо верит в свою фантазию – снег для нее означает наступление декабря и даже если бы я попыталась переубедить ее, она бы мне не поверила. Никто не поверит в такое в десять лет.

Бри отказывается замечать, что зима пришла слишком рано. Мы сейчас высоко в горах Катскилл, а здесь время течет совсем иначе, по-другому сменяются времена года. Здесь, в трех часах к северу от Нью-Йорка, листья облетели уже к концу августа, укрыв собой горные хребты, которые простираются настолько далеко, насколько хватает глаз.

Когда-то наш календарь еще действовал. Я помню первый снег, помню, как не веря своим глазам, я проверяла, настоящий ли он, когда мы только прибыли сюда. Я не могла понять, откуда может быть снег, если в календаре сказано «октябрь», и пришла к выводу, что это аномалия. Однако потом я поняла, что это не так – просто горы настолько высоки и настолько холодны, что зима здесь бессердечно проглатывает осень.

Если бы Бри откинула листы календаря назад, ей бы сразу бросились в глаза большие истертые цифры старого года: 2117. Три года назад, судя по всему. Я говорю себе, что она просто слишком поглощена своей радостью, чтобы что-то проверять. Я на это надеюсь. Однако в последнее время какая-то часть меня начала подозревать, что на самом деле она все знает, но предпочитает верить в свою выдумку. Я не могу винить ее в этом.

Конечно, действующего календаря у нас нет уже много лет. Как и мобильного телефона, компьютера, телевизора, радио, Интернета и вообще любых технологий, не говоря уже об электричестве или водопроводе. И все же как-то нам удается выживать в таких условиях вдвоем уже третий год. Летом все довольно сносно, голодных дней немного. Мы хотя бы можем рыбачить – кажется, в горных речках лосось никогда не переведется. Есть еще ягоды и даже сады с яблонями и грушами, которые после стольких лет все еще плодоносят. Иногда нам даже удается поймать кролика.

А вот зимы невыносимы. Все замерзает или умирает, и каждый год я уверена, что эта зима станет для нас последней. А нынешняя зима – худшая из всех. Я продолжаю убеждать себя, что все образуется, но зима только началась, а нам уже совсем нечего есть в иные дни. Мы обе ослабли от голода, а Бри заболела. Ни к чему хорошему это не приведет.

С трудом пробираясь по склону горы тем же путем, которым я шла вчера в поисках еды, не увенчавшись успехом, я начинаю думать, что удача отвернулась от нас. Лишь мысль о больной Бри, которая ждет меня дома, подгоняет меня. Я перестаю жалеть себя, вместо этого

я мысленно представляю себе её лицо. Я знаю, что найти лекарств не смогу, но надеюсь, что у неё обычная простуда, и все, что нужно для ее лечения – это лишь хорошее питание и тепло.

На самом же деле ей нужен огонь. Я стараюсь не растапливать камин: это большой риск, ведь дым и запах ясно указывают на наше убежище охотникам за головами. Однако сегодня я сделаю ей сюрприз и разожгу огонь хотя бы ненадолго. Бри грезит огнём и это её воодушевит. А если бы мне ещё удалось раздобыть немного еды – хотя бы одного кролика – она бы точно выздоровела. И не только физически. Я заметила, что последнее время она начала терять надежду – это ясно читается в ее глазах – а мне нужно, чтобы она оставалась сильной. Я не буду просто сидеть и смотреть, как она угасает, как это делала мама.

Новый порыв ветра больно хлещет меня по щеке, на этот раз такой долгий и яростный, что мне приходится опустить голову и ждать, пока он не прекратится. В ушах стоит рев ветра, и я бы всё отдала за зимнюю куртку. Сейчас на мне надета лишь рваная толстовка, найденная несколько лет назад на обочине. Она, должно быть, мужская, но это хорошо, ведь рукава достаточно длинные, чтобы закрыть мои руки, и почти заменяют перчатки. Наверное, прежний ее владелец был высок, ведь и я совсем не низкая, а скорее среднего роста. Иногда я думаю, как он относится к тому, что я ношу его одежду. Но потом я осознаю, что он скорее всего мертв. Как и все остальные.

Мои штаны ненамного лучше. Как это ни грустно, но я все еще донашиваю те, в которых была, когда мы бежали из города несколько лет назад. Если есть что-то, о чем я жалею, так это то, что мы бежали в такой спешке. Наверное, я думала, что найду одежду здесь, что где-то еще могут быть магазины или вообще надеялась на Армию Спасения. Это было глупо: конечно же, все магазины с одеждой разграбили давным-давно. Как будто мир, в котором есть все, за одну ночь превратился в мир, в котором царит пустота. Мне все же удалось найти кое-какую одежду, которая валялась в комод в папином доме. Её я отдала Бри. Я была рада, что хотя бы термобелье и носки папы будут греть её.

Ветер наконец прекращается. Я поднимаю голову и тороплюсь вперед, пока меня не настиг новый порыв. До плато я добегаю почти в два раза быстрее, чем обычно.

Наконец я достигаю вершины со сбитым дыханием и горящими от боли ногами и медленно оглядываюсь. Лес здесь не такой густой, а невдалеке виднеется небольшое горное озеро. Оно замерзшее, как и все вокруг, а отражающиеся от него солнечные лучи слепят мне глаза.

Первым делом я проверяю свою удочку, которую я оставила здесь за день до этого, закрепив между двумя валунами. Она торчит над озером, а длинная леска свисает с нее в маленькое отверстие во льду. Если удочка согнута – значит у нас с Бри сегодня есть ужин. Я быстро прохожу между деревьев по снегу и бросаю взгляд на удочку.

Она прямая. Разумеется...

Сердце у меня обрывается. Я задумываюсь, не пройти ли по льду, чтобы своим маленьким топориком прорубить в нём ещё одну лунку. Но я прекрасно понимаю, что никакой разницы между двумя лунками не будет. Проблема не в расположении лунки – проблема в самом озере. Земля слишком замерзла и я не могу накопать червей, да я даже и не знаю, где их искать. Из меня никудышный охотник и зверолов. Если бы я знала, что окажусь здесь, я бы провела все свое детство в школе выживания. Однако этого не случилось и я считаю себя бесполезной практически во всем. Я не знаю, как ставить ловушки, а на мою леску едва ли можно что-нибудь поймать.

Даже то единственное умение, в котором я, дочь своего отца, дочь морского пехотинца, хороша – умение драться, здесь совершенно бесполезно. Я беспомощна против представителей царства животных, справиться я могу только с двуногими. С самого детства, нравилось мне это или нет, папа настаивал на том, чтобы я была «его дочкой» и гордилась этим. Он хотел, чтобы я стала ему сыном, которого у него никогда не было. Он водил меня на бокс, борьбу, бои без правил... Он давал мне бесконечные уроки по использованию ножа, учил стрелять из ружья,

находить болевые точки на теле человека, обучал искусству «грязной» драки. Больше всего он настаивал на том, чтобы я была упорной, никогда не показывала страха и никогда не плакала.

По иронии судьбы, за всю жизнь мне ни разу не представился случай использовать хотя бы что-то из того, чему он учил меня, а здесь, при полном отсутствии людей, эти знания не могут быть более бесполезными. Что мне действительно нужно, так это знать, как добывать еду, а не как бить кого-то. Если мне и встретится кто-нибудь, я не буду с ним драться, а попрошу о помощи.

Я мучительно размышляю и наконец вспоминаю, что здесь есть еще одно озеро поменьше – я видела его однажды, когда забиралась летом высоко в горы в поисках приключений. Чтобы добраться до этого озера, нужно еще около полукилометра карабкаться вверх, и я не пыталась забраться туда с тех самых пор.

Я смотрю наверх и вздыхаю. Солнце уже заходит, мрачный зимний закат отливает красным, а я уже ослабла, устала и замерзла. Для того, чтобы вернуться назад, мне придется собрать все силы, поэтому лезть еще дальше – последнее, чего бы я хотела. Однако тихий внутренний голос гонит меня наверх. Последние несколько дней, чем больше времени я провожу в одиночестве, тем громче становится голос папы в моей голове. Я негодую и пытаюсь заглушить его, но ничего не получается.

Хватит ныть, давай соберись, Мур!

Папа всегда любил называть меня моим вторым именем. Мур. Меня это раздражало, но он об этом мало заботился.

Если я сейчас пойду назад, Бри сегодня вечером будет нечего есть. Это озеро наверху – лучшее, что я могу придумать, это наш единственный потенциальный источник пищи. К тому же я хочу развести огонь для Бри, а все дерево здесь сырое. Выше в горах ветер дует сильнее и, возможно, там найдутся ветки достаточно сухие, чтобы их можно было разжечь. Посмотрев еще раз на гору, я решаю, что надо лезть. Я опускаю голову и начинаю взбираться, прихватив с собой удочку.

Каждый шаг доставляет мне страдания, миллионы острых иголок пульсируют в моих ногах, ледяной воздух обжигает легкие. Ветер усиливается и снег хлещет как наждачная бумага по моему лицу. Птицы каркают где-то высоко, как будто потешаясь надо мной. Я выхожу на следующее плато как раз в тот момент, когда понимаю, что не смогу сделать больше ни шага.

Расположенное так высоко над землей, это плато отличается от других: здесь густо растут сосны и дальше, чем на три метра, ничего не видно. Сквозь их густые кроны не просвечивает небо, а снег под деревьями покрыт зелеными иголками. А еще мощные стволы останавливают ветер. Кажется, что я вошла в маленькое потаённое королевство, скрытое от всего мира.

Я останавливаюсь и бросаю взгляд в просвет между деревьями: вид просто потрясающий. Я всегда думала, что из папиного дома, расположенного на середине горного склона, открывается прекрасный вид, но здесь, на вершине, он просто бесподобен. Горные пики возвышаются во всех направлениях, а между ними вдалеке можно разглядеть блестящую реку Гудзон. Я вижу извилистые дороги, прорезающие горы, – удивительно, но они еще целы. Вероятно, потому, что здесь очень мало людей. На самом деле, я ещё ни разу не видела автомашину или другой транспорт. Несмотря на снег, дороги чистые; крутое шоссе с резкими поворотами открыто солнцу и большая часть снега на нём растаяла.

Внезапно я забеспокоилась. Я предпочитаю, когда дороги покрыты снегом и непроходимы для транспорта, ведь большая часть тех, у кого ещё есть машины и топливо в наше время, это безжалостные охотники за головами, работающие за вознаграждение, чтобы питать Первую Арену. Они патрулируют повсюду, разыскивая людей, похищают их и делают рабами Арены. Там, насколько я знаю, их заставляют драться до смерти просто для развлечения.

Бри и мне пока везет. Нам не попадались охотники все эти годы, что мы были здесь, но, наверное, лишь потому, что мы забрались так высоко и далеко. Лишь однажды я слышала

высокий звук мотора их машины вдалеке, на том берегу реки. Я знаю, что они рыщут там. И я не рискую, я делаю всё, чтобы не светиться, развожу огонь лишь тогда, когда это действительно необходимо, и тщательно присматриваю за Бри. Чаще всего я беру её с собой на охоту – я и сегодня взяла бы её, не будь она так больна.

Я возвращаюсь к плато и смотрю на маленькое озеро. Покрытое толстым слоем льда, сверкающего в закатном солнце, оно похоже на затерявшуюся в роце драгоценность. Я подхожу к нему и делаю несколько пробных шагов по льду, чтобы убедиться, что он не треснет. Когда я понимаю, что лед прочный, я прохожу еще дальше. Нахожу подходящее место, снимаю маленький топорик с пояса и делаю несколько мощных ударов по льду. Появляется трещина. Я достаю нож, сажусь на колено, с силой бью ножом прямо в центр трещины, затем работаю ножом, расширяя лунку до размера, достаточно большого, чтобы вытащить рыбу.

Подскальзываясь, я спешу назад к берегу, где закрепляю удочку между двумя сучьями, распутываю леску и, вернувшись назад, опускаю ее в лунку. Я дергаю за нее несколько раз, надеясь, что блеск металлического крючка привлечет какую-нибудь живность подо льдом. Но я не могу отделаться от ощущения, что все усилия мои тщетны, а все, что когда-либо жило в этих горных озерах, умерло много лет назад.

Здесь еще холоднее, чем внизу, и я не могу просто стоять и смотреть на леску. Мне нужно двигаться. Я разворачиваюсь и иду прочь от озера, суеверно считая, что рыба поймается, только если я не буду сидеть на месте. Я делаю несколько небольших кругов между деревьями, потирая руки и стараясь согреться. Это слабо помогает.

Именно в этот момент я вспоминаю про сухое дерево. Я смотрю на землю в поисках дров, но это бесполезно – земля покрыта снегом. Я окидываю взглядом деревья и вижу, что и стволы, и ветки также в снегу. Однако немного в стороне от роци стоят деревья, чистые от снега. Я дохожу до них и изучаю кору, проведя по ней рукой. С облегчением я понимаю, что некоторые ветки сухие. Я достаю топор и отрубаю одну из самых больших веток. Мне нужно совсем немного дров, и это огромная ветка прекрасно подойдет.

Я ловлю ее на лету, не давая коснуться снега, затем прислоняю к дереву и еще раз ударяю топором ровно посередине. Я делаю так снова и снова, пока не получилась кучка дров, которая может поместиться у меня в руках. Я кладу ее в безопасном и бесснежном месте у основания ветки – там, где она соединяется со стволом.

Я смотрю вокруг, исследуя остальные деревья, когда что-то вдруг привлекает мое внимание. Я подхожу к одному из деревьев и понимаю, что кора его отличается от коры других деревьев. Верно, это не сосна, а клен. Удивительно, что я нашла здесь, в горах клён, но еще удивительнее, что я его узнала. На самом деле из всех деревьев я, наверное, узнаю только клен. Меня захлестывают воспоминания.

Однажды, когда я была ещё маленькой, папа вбил себе в голову, что мы должны выбраться на природу. Одному Богу известно почему, но он взял меня именно в кленовый лес. Мы ехали несколько часов, прежде чем добрались до этой забытой Богом части страны, я с железным ведром, он – с трубкой для получения кленового сока. Мы несколько часов блуждали по лесу с проводником в поисках лучших кленов. Помню, какое разочарование отразилось на лице папы, когда он воткнул трубку в первое дерево и в наше ведро побежала прозрачная жидкость. Он-то ожидал сироп.

Наш проводник посмеялся над ним, сказав, что из клена нельзя получить сироп, они дают лишь сок. А вот сок можно выпарить до сиропа. Этот процесс занимает несколько часов, сказал проводник, а из трехсот литров сока получается около литра сиропа.

Папа посмотрел на переполненное соком ведро в своих руках и густо покраснел, как если бы ему продали что-то протухшее. Он был одним из самых гордых людей из всех, кого я знаю, и если было что-то, что он ненавидел больше, чем чувствовать себя глупо, так это когда

кто-то над ним подшучивал. Когда проводник засмеялся, он опрокинул все ведро ему на голову, схватил мою руку и мы умчались.

После того случая он никогда не брал меня на природу.

Впрочем, я и не возражала – хотя вообще-то мне понравилась наша вылазка, пусть папа и злился молча в машине, пока мы ехали домой. Мне удалось собрать небольшую чашку кленового сока перед тем, как он меня уволок, и я помню, как незаметно пила его в машине, пока он не видел. Мне понравилось. На вкус это напоминал воду с сахаром.

Вот почему, стоя сейчас перед этим деревом, я узнала его, словно брата. Это высокое дерево – совсем тонкое, и я очень удивлюсь, если в нем будет сок. Однако мне нечего терять. Я достаю нож и начинаю резать дерево, снова и снова наношу удары по одному месту. Затем я засовываю острие ножа в отверстие, нажимаю все сильнее, проворачивая его там, в общем-то без особой надежды.

Когда капля сока вытекла из ствола, я поражаюсь. Но еще больше меня потрясает то, что через мгновение капля становится небольшой струйкой. Я трогаю ее пальцем и подношу его к языку. Меня захлестывает сладкая эйфория и я сразу узнаю этот вкус. В точности, как в тот раз. Не могу в это поверить.

Сок бежит все быстрее, и я теряю большую часть того, что вытекает из дерева. В отчаянии я оглядываюсь вокруг в поисках какого-нибудь сосуда – но, конечно, ничего нет. И тут я вспоминаю: мой термос. Я снимаю пластиковый термос с пояса и, опрокинув его, даю воде стечь. Свежую воду можно достать где угодно, особенно когда вокруг все в снегу, а вот кленовый сок бесценен. Я прислоняю термос к дереву, надеюсь, что делаю все правильно. Я прижимаю пластик к стволу так сильно, как могу, и мне удается поймать большую часть сока. Он течет медленнее, чем мне бы того хотелось, но через несколько минут у меня уже набирается половина термоса.

Струя сока прекращается. Я жду еще несколько секунд, думая, что она может возобновиться, но этого не происходит.

Я смотрю вокруг и вижу еще один клен, примерно в трех метрах. Я бегу к нему, и на этот раз настойчиво режу его ножом, представляя, как набираю полный термос, и предвкушая удивление на лице Бри, когда она попробует кленовый сок. Может быть он и не питательный, но он точно сделает ее счастливой.

Однако на этот раз под моим ножом дерево совершенно неожиданно для меня лишь трещит и стонет. Я еще раз оглядываю все дерево и обнаруживаю, правда слишком поздно, что этот одетый в ледяное пальто клен мертв. Удары моего ножа стали для него последней каплей.

Через мгновение целое дерево высотой не менее шести метров переламывается и с треском обрушивается вниз, поднимая в воздух облако снега и сосновых иголок. Я бросаюсь на землю, нервничая, что кто-то мог это заметить. Я зла на себя. Это был легкомысленный поступок. Глупый. Мне надо было сначала более тщательно осмотреть дерево.

Но через несколько секунд мое сердцебиение приходит в норму и я понимаю, что кроме меня здесь никого нет. Я снова начинаю рассуждать рационально и осознаю, что деревья в лесу постоянно падают и нет никакого основания связывать эти падения с человеком. Я снова смотрю на то место, где только что стояло дерево. Я не могу поверить.

Неподалеку отсюда, скрытый за деревьями, встроенный прямо в скалу, стоит небольшой каменный домик. Он совсем крошечный, квадратный по форме, примерно пять метров в ширину и глубину и около четырех в высоту, стены его сделаны из старинных каменных блоков. Из крыши торчит маленькая труба, а в стенах прорублены небольшие окна. Деревянная арочная дверь приоткрыта.

Этот домик настолько хорошо замаскирован, так превосходно вписывается в окружающие его скалы, что даже смотря прямо на него, я едва могу его различить. Крыша и стены покрыты снегом, а виднеющийся камень полностью сливается с пейзажем. Дом выглядит очень

старым, кажется, он был построен несколько столетий назад. Я не могу понять, что он здесь делает, кто его построил и зачем. Возможно, он принадлежал смотрителю государственного парка. А может быть, здесь жил отшельник, или кто-то помешанный на конце света...

Все выглядит так, будто здесь никого не было много лет. Я тщательно осматриваю землю в поисках следов людей или животных как внутри, так и снаружи. Ничего. Я вспоминаю, что последний раз снег шел несколько дней назад и делаю некоторые вычисления. Никого не было ни внутри, ни снаружи по крайней мере три дня.

Мое сердце бьется сильнее от мысли о том, что может быть внутри. Еда, одежда, лекарства, оружие, материалы – *все, что угодно*, сейчас было бы божьей благодатью.

Я осторожно прохожу по поляне, поглядывая через плечо, чтобы убедиться, что никто не наблюдает за мной. Я двигаюсь быстро, оставляя большие, заметные следы в снегу. Когда я дохожу до передней двери, я оборачиваюсь и смотрю еще раз, затем застываю на несколько секунд, прислушиваясь. Не слышно ничего, кроме ветра и ручейка, который бежит всего в нескольких метрах от дома. Я ударяю по двери тыльной стороной топора, чтобы громкий, вибрирующий звук стал для животных, которые могут прятаться внутри, последним предупреждением.

Нет ответа.

Быстрым толчком я открываю дверь, сметаю снег ногой и шагаю внутрь.

Внутри совсем темно, лишь последние лучи уходящего дня еще заглядывают в маленькие окна, давая немного света, и мне требуется несколько секунд, чтобы мои глаза привыкли к темноте. Я стою спиной к двери и готова к отступлению, если дом служит кровом для каких-либо животных. Но еще несколько секунд ожидания ничего не дают, глаза мои привыкают к темноте и становится ясно, что я здесь одна.

Первое, что я замечаю, это что в доме тепло. Возможно, потому что он такой маленький, низкий и встроен в гору, или потому, что защищен от ветра. Несмотря на то, что окна открыты настежь, даже несмотря на то, что дверь все еще открыта, здесь по крайней мере на пятнадцать градусов теплее – намного теплее, чем в папином доме даже с зажженным огнем. Папин дом довольно дешевый, с тонкими, как бумага, стенами, отделанными сайдингом, и стоит на краю холма, открытый всем ветрам.

Это место совсем другое. Каменные стены настолько толстые и основательные, что я чувствую себя здесь уютно и в безопасности. Трудно представить, насколько тепло здесь будет, если я закрою дверь, заколочу окна и разожгу огонь в камине, который выглядит рабочим.

Внутри – одна большая комната и я вглядываюсь в темноту, прочесывая пол в поисках чего-нибудь, чего угодно, что может мне пригодиться. Удивительно, это место выглядит так, будто сюда никто не входил со времен войны. Во всех домах, которые я встречала до этого, были разбиты окна, всё было разбросано и едва ли можно было найти что-то полезное, вплоть до проводки. Но не здесь. Это нетронутое, чистое и прибранное жилище, будто владелец его одним прекрасным днем просто встал и ушел. Мне даже кажется, что это было еще до войны. Судя по паутине под потолком и по потрясающему местоположению дома, так хорошо спрятанного между деревьями, я делаю вывод, что здесь действительно никого не было уже несколько десятилетий.

Я вижу какие-то очертания на дальней стене и пробираюсь туда, вытягивая вперед руки и передвигаясь вслепую в темноте. Когда мои руки касаются этого предмета, я понимаю, что это комод. Мои пальцы пробегают по его гладкой деревянной поверхности и я чувствую, как они покрываются пылью. Пальцы нащупывают небольшие выступы – ручки комода. Я осторожно тяну за них, открывая один за другим ящички. Слишком темно, чтобы можно было что-то разглядеть, поэтому я запускаю в ящички руки, ощупывая содержимое. Первый ящик не принес никакого урожая, так же как и второй. Я быстро открываю их все, с угасающей надеждой,

когда неожиданно, на пятом ящике, я останавливаюсь. Здесь, в глубине, я что-то нащупала. Я медленно достаю это.

Я поднимаю предмет к свету и поначалу не могу понять, что это. Однако затем я касаюсь алюминиевой фольги, которая ясно говорит мне, что это шоколадка. От нее было отломано несколько долек, но она снова завернута в первоначальную упаковку и большая ее часть цела. Я немного разворачиваю ее, подношу к носу и вдыхаю этот аромат. Не могу поверить – это настоящий шоколад! Мы не ели шоколад с самой войны.

Запах приносит острое ощущение голода и мне требуется собрать всю свою волю, чтобы не разорвать и не проглотить шоколадку целиком. Я заставляю себя оставаться сильной, тщательно заворачиваю ее и прячу в карман. Мы насладимся ею вместе с Бри. Я улыбаюсь, предвкушая выражение ее лица, когда она откусит от нее в первый раз. Это будет бесподобно.

Я быстро обыскиваю оставшиеся ящики, теперь в надежде на всевозможные сокровища. Однако все они пусты. Я возвращаюсь в комнату и прохожу ее вдоль и поперек, осматриваю стены, заглядываю во все углы, в поисках хоть чего-нибудь. Но там пусто.

Неожиданно я наступаю на что-то мягкое. Я опускаюсь на колени и поднимаю это, чтобы поднести к свету. Я изумлена: это плюшевый мишка. Порванный и без глаза, но все же... Бри любит плюшевых медведей и до сих пор скучает по тому, что остался дома. Она придет в восторг, когда увидит этого. Похоже, сегодня ее счастливый день!

Я запикиваю игрушку за ремень и, вставая, чувствую, что руки коснулись чего-то мягкого на полу. Я хватаю это, поднимаю и с радостью осознаю, что это шарф. Он черный и покрыт пылью, поэтому я не могла разглядеть его в темноте; прислоняя его к груди и шее, я уже чувствую его тепло. Я подношу его к окну и трясу изо всех сил, стряхивая пыль. На свету видно, что он длинный, толстый и даже не дырявый. Редкостная удача. Я немедленно обматываю его вокруг своей шеи и затыкаю под кофту – так намного теплее. Я чихаю.

Солнце заходит, а поскольку кажется, что я нашла все, что можно, я собираюсь уходить. Направляясь к двери, я неожиданно ударяюсь мизинцем о что-то твердое, металлическое. Я останавливаюсь и нагибаюсь, чтобы нащупать это, на случай, если это оружие. Но это не оружие. Это круглая железная штука, прикрученная к полу. Похоже на дверной молоток. Или ручку.

Я дергаю ее влево и вправо. Ничего не происходит. Я пробую крутить ее. Ничего. Затем я решаю рискнуть и, встав, резко дергаю ее вверх.

Люк открывается, поднимая столпы пыли.

Я смотрю вниз и обнаруживаю подполье чуть больше метра в высоту с грязным полом. Мое сердце заколотилось в предвкушении открывающихся возможностей. Если бы мы жили здесь, я бы могла укрывать Бри в подвале в случае беды. Ценность домика в моих глазах еще поднялась.

И не только это. Смотря вниз, я вижу что-то блестящее. Я полностью открываю тяжелую деревянную дверь и быстро сбегаю вниз по лестнице. Здесь совершенно темно и я пробираюсь наощупь. Сделав несколько шагов вперед, я что-то чувствую пальцами. Стекло. На встроенных в стены полках выстроились стеклянные банки.

Я снимаю одну из них и подношу к свету. Ее содержимое красное и мягкое на вид. Похоже на варенье. Я быстро откручиваю крышку, подношу банку к носу и вдыхаю. Резкий аромат малины волной ударяет мне в нос. Я засовываю в банку палец, зачерпываю немного и подношу к языку, чтобы проверить. Просто невероятно – это малиновое варенье. На вкус такое же свежее, как если бы оно было сделано вчера.

Я быстро закручиваю обратно крышку, кладу банку в карман и скорей возвращаюсь назад к полкам. Я протягиваю руку и чувствую десятки других банок в темноте. Я хватаю ближайшую ко мне и подношу ее опять к свету. Похоже на маринованные огурцы.

Я прихожу в восторг. Это место – золотая жила.

Я жалею, что я не могу донести все банки голыми руками, положить их не во что, и уже становится темно. Поэтому я ставлю банку с огурцами обратно на полку, вскарабкиваюсь вверх по лестнице и, оказавшись снова на полу, закрываю погреб. Жаль, что у меня нет замка; я боюсь оставлять все это незащищенным. Но затем я снова напоминаю себе, что здесь никого не было уже много лет и что я, по всей вероятности, никогда бы не заметила домик, если бы дерево не упало.

Уходя, я плотно закрываю дверь, чувствуя, что дом лучше защищен таким образом, и уже считая его своим.

С полными карманами, я спешу назад к озеру, но внезапно застываю, как вкопанная, почувствовав движение и услышав шорох. Поначалу я испугалась, что кто-то преследует меня, но, медленно повернувшись на шум, я вижу нечто другое. В трех метрах от меня стоит олень и смотрит на меня. Это первый олень, которого я видела за много-много лет. Его большие, черные глаза без движения смотрят в мои, затем он неожиданно оборачивается и скрывается из вида.

У меня нет слов. Месяц за месяцем я выслеживала оленя, надеясь подобраться достаточно близко, чтобы можно было кинуть в него нож. Но так и не смогла найти ни одного. Возможно, я недостаточно высоко охотилась. Может быть, они жили здесь все это время.

Я решаю, что первое, что я сделаю утром – вернусь сюда и, если понадобится, буду ждать целый день. Если олень был здесь однажды, может быть, он еще вернется. В следующий раз, когда я его увижу, я его убью. Одним таким оленем мы сможем питаться неделями.

Наполненная новой надеждой я бегу обратно к озеру. Когда я подхожу и проверяю удочку, мое сердце вздрагивает: она согнута почти напополам. Дрожа от возбуждения, я несусь по льду, подскальзываясь на бегу. Я хватаю сильно дрожащую леску и молюсь, чтобы на ней что-то было.

Я тяну за леску. Я чувствую, как большая рыба сопротивляется, и мечтаю о том, чтобы леска не порвалась, а крючок не сломался. Когда я дергаю последний раз, из дырки вылетает рыбина. Это огромный лосось, размером с мою руку. Он лежит на льду, дергаясь и шлепая по нему во всех направлениях. Я пытаюсь его поймать, но мои руки слишком скользкие, чтобы я могла его удержать, поэтому я опускаю рукава и теперь уже крепко беру его. Еще с полминуты он бьется и извивается в моих руках, пока наконец не успокаивается и не умирает.

Я поражена. Это мой первый улов за много месяцев.

Наполненная радостью, я скольжу назад по льду, выбираюсь на берег и засовываю рыбу глубоко в снег, беспокоясь, что она может каким-то образом воскреснуть и прыгнуть обратно в озеро. Я беру удочку и леску и, держа их в одной руке, в другую беру рыбу. Я чувствую банку с вареньем в одном кармане, термос с кленовым соком в другом, на поясе у меня шоколадка и плюшевый мишка. Бри сегодня достанется просто куча сокровищ.

Осталось только одно дело. Я подхожу к своей охапке дров и набираю свободной рукой под мышку столько, сколько могу унести. Часть я роняю и вообще не могу взять столько, сколько хотелось бы, но это не беда. Я всегда могу вернуться за оставшимися утром.

С полными руками, подмышками и карманами я скольжу вниз с горы в последнем свете дня, стараясь не уронить ни одну из моих драгоценностей. Возвращаясь, я без конца размышляю о каменном домике. Он идеален и я не могу спокойно думать обо всех открывающихся благодаря ему возможностях. Он как раз то, что нам нужно. Дом папы слишком заметен, ведь он стоит на основной дороге. Уже несколько месяцев я беспокоюсь о том, что мы слишком уязвимы в нем. Стоит одному случайному охотнику за головами пройти рядом – и мы окажемся в беде. Я ждала возможности переехать долгое время, но не имела представления, куда. Здесь вообще нет других домов.

Этот домишко, запрятанный так глубоко в горах, далеко от всех дорог – и в буквальном смысле встроенный в скалу – так отлично замаскирован, что кажется, что он построен специ-

ально для нас. Никто никогда не сможет нас там найти. И даже если найдут, они не смогут подобраться близко на транспорте – им придется подниматься пешком, а отсюда мне будет видно их за километры.

В том домике есть источник свежей воды, ведь ручей бежит прямо перед домом; так что мне не придется оставлять Бри одну каждый раз, когда я отправляюсь помыться или постирать одежду. И мне не придется таскать воду по одному ведру из озера каждый раз, когда я захочу приготовить еду. Не говоря уже о том, что защищенные огромными кронами деревьев мы сможем зажигать огонь в камине каждую ночь. Нам будет безопасней и теплее в месте, кишашем рыбой и дичью – и с подвалом, полным еды. Решено: мы переезжаем туда завтра.

У меня будто гора свалилась с плеч. Я чувствую себя возрожденной. Впервые за долгое время я не ощущаю ни грызущего изнутри голода, ни покалывания холода в пальцах. Даже ветер, кажется, дует в спину, помогая мне спускаться, и я уверяюсь, что теперь наконец все пришло в норму. Впервые за время, которое я могу припомнить, я знаю, что теперь мы сможем это сделать.

Теперь мы сможем выжить.

Два

К тому времени, когда я добираюсь до папиного дома, уже спустились сумерки, температура упала, а снег замерз и хрустит под ногами. Я выхожу из леса и вижу наш дом, расположенный прямо на краю дороги и так хорошо заметный, с облегчением подумав, что все выглядит спокойно, в точности так же, как когда я уходила. Я тут же проверяю, есть ли следы животных или людей внутри или снаружи дома, но ничего не обнаруживаю.

Свет внутри не горит, но это нормально. Я бы забеспокоилась, если бы он там был. У нас нет электричества и свет значил бы лишь то, что Бри зажгла свечи, а она бы не стала без меня. Я останавливаюсь и прислушиваюсь на мгновение – все тихо. Ни звуков борьбы, ни криков о помощи, ни стонов больного. Я вздыхаю с облегчением.

Часть меня всегда боится, что однажды я вернусь и обнаружу, что дверь открыта нараспашку, окна разбиты, следы ведут в дом, а Бри похищена. Уже несколько раз мне снились такие кошмары и я каждый раз просыпалась в поту и шла в комнату Бри, чтобы убедиться, что она на месте. Она всегда была там, живая и невидимая, а я ругала себя. Знаю, что нужно перестать волноваться – уже сколько можно. Но почему-то не могу: каждый раз, когда я оставляю Бри одну, это как маленький нож в моем сердце.

Все еще в состоянии боевой готовности, зондируя все вокруг, я проверяю наш дом в угасающем свете дня. Вообще-то говоря, он никогда мне не нравился. Обычная ферма в горах, похожая на прямоугольную коробку, совершенно бесхарактерная, отделанная дешевым виниловым сайдингом, который с самого первого дня выглядел старым, а сейчас и вовсе прогнил. Окна маленькие, расположены они далеко друг от друга и сделаны из дешевого пластика. Дом больше похож на вагончик. Меньше пяти метров в ширину и около девяти в глубину – по размеру тут места лишь на одну спальню, однако сюда вместили две маленькие спаленки и еще меньшую гостиную.

Я помню, как приходила сюда ребенком, еще до войны, когда мир был нормальным. Когда папа был дома, он привозил нас сюда на выходные, чтобы отдохнуть от города. Я не хотела быть неблагодарной и всегда старалась выглядеть довольной, но на самом деле мне это никогда не нравилось; здесь было слишком темно и тесно, кроме того, стоял затхлый запах. Будучи ребенком, я помню как не могла дождаться конца выходных, когда я наконец смогу выбраться отсюда. Помню, как обещала себе никогда сюда не возвращаться, когда вырасту.

Сейчас, по иронии судьбы, я благодарна этому месту. Этот дом спас мою жизнь – и жизнь Бри. Когда разразилась война и нам пришлось бежать из города, у нас не было другого выбора. Если бы не это место, даже не знаю, куда бы мы пошли. А если бы дом не находился так далеко и высоко в горах, нас бы уже давно поймали охотники. Даже забавно, что с возрастом начинаешь ценить вещи, которые ненавидел в детстве. Ну, как с возрастом. Хотя я считаю себя взрослой в свои 17 лет. Да я и состарилась, наверное, больше, чем большинство людей в моем возрасте за последние несколько лет.

Если бы дом не был построен прямо на дороге, открытый взору любого, если бы он был немного поменьше, немного более защищенным, располагался глубже в лесу, думаю, я бы почти не волновалась. Конечно, нам все еще приходилось бы мириться с тоненькими, как бумага, стенами, протекающей крышей и щелями в окнах, пропускающими ветер. Он никогда не стал бы уютным или теплым домом. Но хотя бы он был бы безопасным. Сейчас я каждый день смотрю на него, смотрю на вид, который открывается с него, и думаю, что это готовая мишень.

Снег хрустит под моими ногами, когда я подхожу к виниловой двери, а изнутри раздается лай. Саша делает то, чему я ее учила: защищает Бри. Я очень благодарна ей за это. Она следит за Бри очень тщательно, начиная лаять при малейшем звуке; благодаря этому я могу оставить

ее с Бри, когда ухожу на охоту. Хотя ее лай в то же время беспокоит меня, ведь он может нас выдать: лающий пес всегда значит, что где-то рядом есть люди. И именно на этот звук ориентируются охотники.

Я быстро забегаю внутрь и успокаиваю ее. Я закрываю за собой дверь, жонглируя бревнами в руках, и захожу в темную комнату. Саша замолкает, виляя хвостом и прыгая на меня. Саша – шоколадный лабрадор шести лет, самая преданная собака из всех, кого я могу представить – и лучшая компания. Если бы не она, Бри бы, наверное, уже давно поглотила депрессия. Да и меня, наверное, тоже.

Саша лижет мое лицо и скулит, и кажется еще более возбужденной, чем обычно. Она нюхает мои карманы, уже заметив, что я принесла что-то особенное. Я кладу бревно и теперь могу погладить ее – когда я делаю это, я чувствую ее ребра. Она совсем кожа да кости. Меня захлестывает чувство вины. Но мы с Бри выглядим точно так же. Мы всегда делимся с ней всем, что найдем съестного, все трое в нашей команде равны. И все же я жалею, что не могу дать ей больше.

Она толкает носом рыбу и та вылетает из моей руки и падает на пол. Саша тут же набрасывается на нее, рыба скользит по полу, отскакивая от ее когтей. Саша прыгает на нее снова, на этот раз впиваясь зубами. Но ей не нравится вкус сырой рыбы и она отпускает ее. Вместо этого она начинает играть с ней, снова и снова прыгая на нее и гоняя по всему полу.

– Саша, хватит! – говорю я тихо, чтобы не разбудить Бри. Еще я боюсь, что играя с рыбой, она повредит ее и испортит часть ценного мяса. Саша послушно перестает. Я все же вижу, как она возбуждена и хочу чем-нибудь с ней поделиться. Я залезаю в карман, открываю банку, пальцем зачерпываю немного малинового варенья и протягиваю ей.

Она слизывает все без остатка, облизывается и смотрит снова на меня, требуя еще.

Я глажу ее по голове, целую и поднимаюсь на ноги. Теперь я думаю, было ли великодушно дать ей немного варенья, или жестоко дать ей его так мало.

В доме темно, и я иду по нему, спотыкаясь, как это обычно бывает ночью. Я зажигаю огонь очень редко. Настолько же сильно, как мы нуждаемся в огне, я не хочу рисковать привлечь внимание. Но сегодня все иначе: Бри нужно поправиться как физически, так и в эмоциональном плане, и я знаю, что огонь поможет в этом. Отбросить сомнения мне помогает мысль о том, что завтра мы отсюда съедем.

Я подхожу к шкафу на другом конце комнаты и достаю оттуда зажигалку и свечку. Одно из наибольших достоинств этого места – большой запас свечей, одна их тех немногих вещей, оставшихся от папы – морпеха, просто помешанного на выживании. Когда мы приезжали сюда детьми, электричество отрубалось во время каждой бури, поэтому он запасал свечи, чтобы не поддаваться стихии. Я помню, как пыталась поднять его на смех, назвав барахольщиком, когда нашла полный шкаф свечей. Теперь, когда их осталось всего ничего, я жалею, что он не припрятал больше.

Наша единственная зажигалка еще живая, потому что я использую ее крайне экономно и перекачиваю немного газа из мотоцикла раз в несколько недель. Каждый день я благодарю Бога за папин мотоцикл, а также за то, что он заправил его в последний раз: это одна из немногих наших вещей, которые заставляют меня думать, что у нас есть хоть какое-то преимущество, что у нас есть нечто действительно ценное, что-то, что поможет нам выжить, когда все дела пойдут прахом. Папа всегда держал мотоцикл в небольшом гараже, пристроенном к дому, но как только мы приехали сюда после войны, первым делом я достала его и отвезла в лес, где спрятала между холмами, укрыв кустарником, ветками и колючками так плотно, что никто не смог бы его найти. Я подумала, что если кто-то найдет наш дом, в первую очередь они проверят гараж.

Я также благодарна папе за то, что он научил меня водить мотоцикл, когда я была маленькая, несмотря на мамины протесты. Из-за коляски на нем было ездить сложнее, чем на обыч-

ном байке. Помню, как двенадцатилетней перепуганной девочкой сажу на мотоцикле, а папа выкрикивает приказы из коляски всякий раз, когда я растериваюсь. Помню, как смотрела вниз с холма на обрыв и плакала, прося его сесть за руль. Он отказывался. Он мог упрямо сидеть больше часа, пока я наконец не переставала плакать и не пыталась снова. И каким-то чудесным образом я научилась водить мотоцикл. Таким было все мое воспитание, если вкратце.

Я не трогала байк с того дня, как спрятала его, и даже не ходила туда проверять его, чтобы не рисковать, за исключением тех случаев, когда мне нужен был газ – и даже это я делала ночью. Я представляла, что если однажды придет беда и нам понадобится быстро отсюда выбираться, я посажу Бри и Сашу в коляску и отвезу нас всех в безопасное место. Хотя на самом деле у меня не было ни малейшего представления, куда мы можем поехать. Согласно всему, что я видела и слышала, мир превратился в пустырь, наполненный жестокими преступниками, бандами и горсткой выживших. Из тех, кто выжил, самые агрессивные собрались в городах, похищая и порабощая всех, кого им удавалось найти, как для собственных нужд, так и для смертельных битв на аренах. Думаю, что Бри и я принадлежим к тому небольшому числу выживших, кто все еще живет свободно, сам по себе, вдали от городов. И тому совсем небольшому числу людей, которые еще не умерли с голода.

Я зажигаю свечу и Саша идет вслед за мной по темному дому. Я предполагаю, что Бри спит, и это беспокоит меня: обычно она не спит так много. Я останавливаюсь перед ее дверью, размышляя, стоит ли будить ее. Стоя там, я поднимаю голову и смотрю на свое отражение в небольшом зеркале. Каждый раз, когда я смотрюсь в зеркало, я кажусь себе все старше. Мое лицо, тонкое и прямоугольное, красное от холода, легкие темно-русые волосы падают на плечи, обрамляя лицо, а серые с голубым отливом глаза смотрят на меня, не узнавая. Холодные напряженные глаза. Папа всегда говорил, что у меня волчьи глаза. Мама говорила, что они красивые. Я не знала, кому из них верить.

Я быстро отвожу взгляд, не желая видеть себя. Протягиваю руку и поворачиваю зеркало лицом к стене, чтобы больше не наткнуться на него.

Я медленно открываю дверь в комнату Бри. В ту же секунду Саша заскакивает внутрь и бросается к Бри, ложась шеей ей на грудь и начиная лизать ее лицо. Меня никогда не переставало удивлять, как близки эти двое – иногда я даже думаю, что они ближе, чем мы с сестрой.

Бри постепенно открывает глаза и щурится темноту.

– Брук? – спрашивает она.

– Это я, – отвечаю я мягко. – Я дома.

Она садится на кровати и улыбается, а в глазах ее отражается узнавание. Она лежит на дешевом матрасе прямо на полу, откидывает свое тоненькое одеяльце и начинает вставать, все еще в пижаме. Она двигается медленней, чем обычно.

Я наклоняюсь и обнимаю ее.

– У меня есть для тебя сюрприз, – говорю я, с трудом сдерживая возбуждение.

Она смотрит на меня снизу вверх, широко открыв глаза, затем закрывает глаза и протягивает вперед руки, вся в ожидании. Она удивительно доверчивая. После небольшого раздумья, я решаю, что первую дам ей шоколадку. Я роюсь в кармане, достаю плитку и медленно кладу ей в ладонь. Она открывает глаза и смотрит на свои руки, щурясь на свет в неуверенности. Я подношу поближе свечку.

– Что это? – спрашивает она.

– Шоколадка, – отвечаю я.

Она смотрит на меня так, будто я хочу ее разыграть.

– Серьезно, – говорю я.

– Но где ты ее достала? – спрашивает она недоуменно. Она смотрит на нее так, будто в ее ладонь только что приземлился астероид. Я не виню ее: больше нет магазинов, нет людей и на сотни миль нет ни одного места, где я чисто теоретически могла достать ее.

Я улыбаюсь ей: «Санта Клаус дал мне ее для тебя. В подарок с наступающим Рождеством.»

Она хмурит брови. «Нет, *на самом деле*,» – настаивает она.

Я глубоко вздыхаю, осознавая, что пришло время сказать ей всю правду о нашем новом доме и о завтрашнем отъезде. Я думаю, как бы это лучше сформулировать. Я надеюсь, что она будет так же довольна, как и я – но с детьми никогда нельзя знать заранее. Часть меня опасается, что она привязалась к этому месту и не захочет его покидать.

– Бри, у меня есть важные новости, – говорю я, наклонившись вперед и сжав ее плечи. – Я нашла просто потрясающее место сегодня в горах. Это маленький каменный дом и он отлично нам подходит. Он уютный и теплый, в нем прекрасный камин, который мы сможем разводить хоть каждую ночь. А лучше всего то, что в нем полно всякой разной еды. Как, например, эта шоколадка.

Бри снова внимательно смотрит на шоколадку, ее глаза открываются еще в два раза шире, когда она осознает, что она настоящая. Она аккуратно разворачивает обертку и нюхает ее. Она закрывает глаза и улыбается, затем наклоняется, чтобы откусить, но вдруг останавливается. Она обеспокоенно смотрит на меня.

– А как же ты? – спрашивает она. – Там только одна плитка?

Это – вся Бри, всегда такая заботливая, даже когда мучается от голода. «Ты первая, – говорю я. – Все нормально.»

Она отгибает обертку и откусывает большой кусок. Ее лицо, запавшее от голода, светится от восторга.

– Жуй медленно, – предупреждаю я. – Ты же не хочешь, чтобы живот разболелся.

Она замедляется, смакуя каждый кусочек. Отламывает большой кусок и кладет его мне в ладонь. «Твоя очередь,» – говорит она.

Я медленно кладу его в рот, откусывая маленькие кусочки и растапливая их на кончике языка. Я посасываю их, лишь затем медленно прожевывая, наслаждаясь каждым моментом. Вкус и запах шоколада заполняет все мои органы чувств. Вполне возможно, что это лучшее, что я когда-либо ела.

Саша воеет, тыкаясь в шоколадку носом, и Бри отламывает кусочек и протягивает его ей. Саша вырывает его из рук и проглатывает в одно мгновение. Бри смеется, восхищаясь ею, как всегда. Затем, демонстрируя впечатляющую выдержку, Бри заворачивает обратно оставшуюся половину шоколадки, тянется вверх и мудро кладет ее на шкаф, вне зоны досягаемости Саши. Бри все еще выглядит слабой, но теперь хорошее настроение понемногу к ней возвращается.

– Что это? – спрашивает она, указывая мне в район пояса.

Какое-то мгновение я даже не понимаю, о чем она говорит, затем смотрю вниз и вижу плюшевого мишку. Во всей суматохе я совсем про него забыла. Я вытаскиваю его и протягиваю ей.

– Я нашла его в нашем новом доме, – говорю я. – Теперь он твой.

Глаза Бри широко раскрываются от восхищения, когда она хватается за медвежонка, прижимает его к груди и начинает покачивать, как ребенка, вперед и назад.

– Он мне нравится! – восклицает Бри со светящимися глазами. – Когда мы переедем? Я не могу ждать!

У меня как камень упал с души. Прежде чем я успеваю ответить, Саша наклоняется и утыкается носом в нового плюшевого мишку Бри, обнюхивая его; Бри шутливо сует игрушку в морду Саше и та хватается за него и выбегает из комнаты.

– Эй! – кричит Бри, захлебываясь от смеха и догоняя ее.

Они обе выбегают в гостиную и вырывают игрушку друг у друга. Даже не знаю, кто из них наслаждается игрой больше.

Я иду за ними, осторожно держа свечку, чтобы та не потухла, и несу ее прямо к моей охапке дров. Я кладу самые маленькие веточки в камин, сверху насыпаю горсть сухих листьев из корзины рядом с камином. Я рада, что собрала эти листья прошлой осенью, – они очень пригодятся для розжига. Это похоже на волшебство. Я кидаю листья на ветки, поджигаю их и вспыхивает пламя. Я продолжаю подкидывать листья, пока ветки не занимают огнем. Я задуваю свечу, оставляя ее на следующий раз.

– У нас огонь? – в восторге кричит Бри.

– Да, – говорю я. – Сегодня у нас праздник. Последняя ночь здесь.

– Ух ты! – кричит Бри, прыгая от радости, а Саша лает возле нее, присоединяясь ко всеобщему восторгу. Бри бежит помочь мне принести дрова, в то время как я раскладываю их в камине. Мы осторожно подкидываем ветки, оставляя место для воздуха, а Бри раздувает пламя. Когда дрова занимают, я кладу толстое поленце на верхушку. Я продолжаю подкладывать ветки побольше, пока огонь не разгорается совсем.

За считанные минуты комната освещается и я наконец согреваюсь. Мы стоим возле огня, я потираю руки и тепло растекается по моим пальцам. Постепенно ко мне возвращаются чувства. Я мало-помалу начинаю отходить после долгого дня на улице и приходиться в себя.

– Что это? – спрашивает Бри, указывая на пол. – Это похоже на рыбу!

Она подбегает к ней и хватает ее, но рыба выскользывает у нее из рук. Она смеется, а Саша тут же снова начинает толкать ее лапами, заставляя кататься по всему полу. «Где ты поймала ее?» – кричит Бри.

Я поднимаю рыбу, пока Саша не причинила ей вреда, открываю дверь и выкидываю ее наружу прямо в снег. Там она сохранится лучше и будет в безопасности.

– Это еще один мой сюрприз, – говорю я. – Сегодня у нас будет ужин!

Бри подбегает и крепко обнимает меня. Саша понимающе лает. Я обнимаю ее в ответ.

– У меня есть еще два сюрприза, – объявляю я с улыбкой. – Они на десерт. Ты хочешь, чтобы я рассказала о них после обеда? Или прямо сейчас?

– Сейчас! – восклицает Бри.

Я тоже радостно улыбаюсь. По крайней мере, это продержит ее в радостном предвкушении весь ужин.

Я засовываю руку в карман и достаю банку с вареньем. Бри подозрительно на нее смотрит, в по-видимому в неуверенности, а я откручиваю крышку и сую банку ей под нос. «Закрой глаза,» – говорю я.

Она закрывает. «Теперь вдыхай.»

Она глубоко вдыхает и ее лицо озаряет улыбка. Она открывает глаза.

– Пахнет малиной! – говорит она.

– Это варенье. Давай, попробуй его!

Бри засовывает в банку два пальца, густо оттуда зачерпывает и протягивает Саше, которая подбегает и безо всякого смущения слизывает все целиком. Бри громко смеется, а я закрываю банку и ставлю ее на полку, подальше от Саши.

– Это тоже из нового дома? – спрашивает Бри.

Я киваю, с облегчением слыша, что она уже считает его новым домом.

– А теперь последний сюрприз, – говорю я. – Но я хочу, чтобы он дождался ужина.

Я достаю термос из-за пояса и ставлю его высоко на полку, так, чтобы она не могла видеть, что там. Я замечаю, как она вытягивает шею, но я задвигаю его поглубже.

– Это будет вкусно, – говорю я. – Можешь мне поверить!

* * *

Я не хочу, чтобы дома воняло рыбой и храбро отправляюсь на улицу, чтобы разделать лосося там. Я беру нож и начинаю им орудовать, положив рыбу на пенек и сев возле него на снег. Я не очень осознаю, что я делаю: я только понимаю, что хвост и голову есть не надо. Поэтому я отрезаю их.

Затем мне приходит в голову, что плавники мы тоже не будем есть, так что я срезаю и их и стараюсь избавиться от чешуи. Затем я вспоминаю, что нужно вспороть ей брюхо и разрезаю ее вдоль по позвоночнику. Там видны густые розовые внутренности и множество мелких костей. Я не знаю, что еще с ней можно сделать, поэтому считаю, что она готова.

Перед тем, как пойти внутрь, я хочу помыть руки. Я наклоняюсь, зачерпываю немного снега и протираю им руки – хорошо, когда есть снег, а то обычно мне приходится идти до ближайшего ручья, ведь у нас нет водопровода. Я встаю и перед тем, как войти, останавливаюсь на секунду и оглядываю местность. Сначала я прислушиваюсь, пытаюсь уловить звуки, которые укажут на опасность. Через несколько секунд я понимаю, что мир совершенно спокоен, каким и должен быть. В конце концов я постепенно успокаиваюсь, глубоко вдыхаю, чувствуя снежинки на щеках и слушая потрясающую тишину, и понимаю, насколько все-таки здесь красиво. Гигантские сосны одеты в белое, снег бесконечно сыпется из пурпурного неба и мир кажется совершенным, как в сказке. В окне видны отблески камина и отсюда дом выглядит самым уютным местом в мире.

Я возвращаюсь внутрь с рыбиной, закрываю за собой дверь и чувствую, как хорошо придти туда, где тепло, где от всех предметов отражается мягкий свет огня. Бри как обычно хорошо поддерживает огонь, ловко подкидывая дрова, и теперь он гудит еще громче. Бри подготавливает места для сидения на полу возле камина и приносит с кухни вилки и ножи. Саша сидит, внимательно наблюдая за каждым ее движением.

Я подношу рыбу к огню. Я совсем не знаю, как ее готовить, поэтому думаю просто положить ее на огонь, дать поджариться какое-то время, затем перевернуть несколько раз и надеяться, что она сготовится. Бри читает мои мысли: она бежит на кухню и приносит острый кухонный нож и два длинных шампура. Она надевает на них куски рыбы, затем берет свою порцию и держит ее над огнем. Я следую ее примеру. Инстинкты Бри в плане ведения домашнего хозяйства всегда были лучше моих и я благодарна ей за помощь. Мы двое – отличная команда!

Мы сидим вдвоем перед камином, не отводя взгляда от пламени, держим рыбу над огнем, пока не устают руки. Запах рыбы наполняет комнату и через десять минут я чувствую боль в животе и острый приступ голода. Я решаю, что мой кусок уже готов: к тому же я видела, что люди иногда едят сырую рыбу, так что разве она сможет навредить? Бри со мной соглашается, и мы кладем наши куски на тарелки и садимся на полу, друг возле друга, спинами прислонившись к дивану, а ноги вытянув к огню.

– Осторожно, – предупреждаю я. – Там очень много костей.

Я вытаскиваю кости и Бри делает то же самое. Избавившись от большей их части, я беру небольшой кусочек розового мяса рыба и ем его, стараясь сдерживать себя.

Это очень вкусно. Конечно, можно было бы добавить соли или каких-нибудь специй, но по крайней мере на вкус она готовая и свежая. Я чувствую как столь необходимый белок проникает в мое тело. Бри тоже уплетает свою порцию и я вижу облегчение на ее лице. Саша сидит рядом с ней, наблюдая и облизываясь, и Бри выбирает кусочек побольше, тщательно вытаскивает оттуда кости и дает Саше. Саша тщательно жует его и проглатывает, затем облизывается и снова смотрит на Бри, в ожидании добавки.

– Саша, сюда, – говорю я.

Она быстро подбегает и я беру кусочек своей порции, убираю кости и протягиваю Саше. Она проглатывает его за секунду. Прежде чем я успеваю осознать, моя рыба кончается – так же, как и рыба Бри – а желудок снова урчит. Мне уже жаль, что я поймала так мало. И все же, сегодняшний ужин был самый большой за последние несколько недель и я стараюсь заставить себя быть довольной тем, что есть.

Затем я вспоминаю про кленовый сок. Я подскакиваю и достаю термос с полки, на которой спрятала его, и протягиваю Бри.

– Попробуй, – улыбаюсь я, – первый глоток твой.

– Что это? – спрашивает она, открывая термос и поднося его к носу. – По запаху ничего не понятно.

– Это кленовый сок, – говорю я. – Он как вода с сахаром. Только лучше.

Она нерешительно пробует, затем смотрит на меня широко открытыми от радости глазами. «Очень вкусно!» – кричит она. Она делает несколько больших глотков, затем останавливается и протягивает термос мне. Я не могу не поддаться искушению тоже сделать несколько больших глотков. Я чувствую легкую эйфорию от сладкого. Я наклоняюсь вперед и осторожно капаю немного в чашку Саши. Она вылизывает все без остатка – кажется, ей тоже понравилось.

Но я все еще голодна. В порыве слабости я вспоминаю про банку с вареньем и думаю – почему бы и нет? В конце концов, в том домике на горе есть намного больше, да и если сегодняшний вечер – не повод для праздника, тогда какой?

Я беру с полки стеклянную банку, откручиваю крышку, засовываю туда палец и зачерпываю побольше варенья. Я кладу его на язык и стараюсь задержать во рту так долго, как это возможно, перед тем, как проглотить. Это божественно. Я даю еще наполовину полную банку Бри. «Давай, – говорю я, – доедай. В новом доме еще всего полно.»

Глаза Бри широко раскрываются, когда она берет банку. «Ты уверена? – спрашивает она. – Разве нам не надо его беречь?»

Я трясую головой: «Пришло время побаловать себя.»

Бри не нужно долго упрашивать. За несколько секунд она вычищает банку, угостив разок и Сашу.

Мы лежим, облокотившись на диван и вытянув ноги к огню, и наконец я чувствую, что начинаю расслабляться. После рыбы, кленового сока и варенья силы медленно возвращаются ко мне. Я гляжу на Бри, которая уже почти дремлет, на ее коленях лежит голова Саши, хотя она все еще выглядит больной, впервые за долгое время я замечаю надежду в ее глазах.

– Я люблю тебя, Брук, – говорит она тихо.

– Я тоже тебя люблю, – отвечаю ей я.

Но она уже спит.

* * *

Бри лежит на диване напротив камина, а я сижу в кресле рядом – привычка, которой уже несколько месяцев. Каждый вечер, перед тем как пойти спать, она сворачивается калачиком на диване, боясь спать одна в своей комнате. Я составляю ей компанию, пока она не начинает дремать, затем отношу ее в кровать. Чаще всего мы не разводим огонь, но все равно сидим здесь.

Бри часто снятся кошмары. Раньше такого не было: помню, что до войны она легко засыпала. Честно говоря, я даже дразнила ее за это, называя «соня-Бри», ведь она могла уснуть где угодно: в машине, на диване, читая книгу в кресле. Но сейчас все изменилось; она не может заснуть часами, а когда ей все же удается задремать, сон ее беспокоен. Почти каждую ночь я просыпаюсь от того, что она всхлипывает или кричит за тонкой стеной. Кто может винить ее?

Со всеми ужасами, которые мы повидали, удивительно скорее то, что она еще не свихнулась. Очень часто я сама не могу заснуть.

Ей очень помогает, когда я ей читаю. По счастливой случайности, когда мы бежали, Брихватило ума захватить свою любимую книгу. «Щедрое дерево». Каждую ночь я читаю ее Бри. Я уже выучила ее наизусть и, когда сильно устаю, я закрываю глаза и читаю по памяти. К счастью, она короткая.

Я откидываюсь на спинку кресла, сама уже почти засыпая, открываю потрепанную обложку и начинаю читать. Саша лежит на диване рядом с Бри, наострив уши, и иногда мне кажется, что она тоже слушает.

«Жила в лесу дикая яблоня. И любила яблоня маленького мальчика. И мальчик каждый день прибежал к яблоне, собирал падавшие с неё листья, плёл из них венок, надевал его, как корону, и играл в лесного короля.»

Я смотрю на Бри, лежащую на диване, и вижу, что она крепко спит. Я успокаиваюсь. Может быть, дело было в огне, может быть, в еде. Сон – это то, что ей нужно сейчас больше всего, чтобы выздороветь. Я снимаю свой новый шарф, плотно завязанный вокруг шеи, и бережно укрываю ее грудь. Так ее маленькое тело перестает дрожать.

Я подкладываю последнее полено в огонь, сажусь обратно в кресло и смотрю на пламя. Я вижу, как оно медленно угасает, и жалею, что не принесла дров побольше. Но это и к лучшему. Так безопасней.

Дрова трещат и вспыхивают, а я облакачиваюсь на спинку кресла с чувством покоя, которого у меня не было уже много лет. Иногда, когда Бри засыпала, я читала книгу и для себя. Я вижу, что она лежит на полу: «Повелитель мух». Это единственная книга, которая осталась у меня, она уже изрядно потрепалась и выглядит, как будто ей лет сто. Странно ощущать, что в мире осталась только одна книга. Благодаря этому я понимаю, что многое принимала как должное, и тоскую по тем временам, когда были библиотеки.

Сегодня я слишком возбуждена, чтобы читать. Мои мысли скачут с одного на другое, в предвкушении завтрашнего дня, новой жизни там, высоко в горах. Я стараюсь держать в голове все, что завтра потребует перенести, и думаю, как это сделать. Это все основное – инструменты, спички, то, что осталось от свечей, одеяла и матрасы. У нас обеих почти нет одежды и, если не считать книг, никакого имущества. Дом был почти пустой, когда мы приехали, и тут нечего взять на память. Я бы перенесла диван и кресло, но для этого мне понадобится помощь Бри, так что нужно будет подождать, пока она совсем не поправится. Нам нужно будет переехать в несколько этапов, сначала взяв самое необходимое и оставив мебель на потом. Это ничего, ведь там нам будет надежней. Это самое главное.

Я начинаю размышлять о том, как сделать домик еще безопасней. Определенно нужно будет подумать о том, как сделать ставни на окна, чтобы закрывать их, когда потребуется. Я смотрю вокруг, обследуя дом на предмет чего-нибудь полезного для этой цели. Для ставен нужны петли, и я замечаю петли на двери в гостиную. Может быть получится их снять. А по такому случаю, возможно, получится использовать и деревянную дверь, если распилить ее на кусочки.

Чем больше я смотрю вокруг, тем больше находится вещей, которые можно использовать. Я вспоминаю, что в гараже остался ящик с инструментами с пилой, молотком, отверткой и даже коробкой гвоздей. Это одна из самых ценных вещей, что у нас имеются, и я делаю в памяти зарубку о том, что его нужно взять в первую очередь.

Затем, конечно, мотоцикл. Это главная мучающая меня проблема: как его перевезти и куда. Я не могу даже думать о том, чтобы оставить его, хотя бы на время. Поэтому в первую же очередь мне нужно перевезти его. Заводить его было бы слишком рискованно, да и горы слишком крутые, чтобы можно было въехать. Поэтому мне придется катить его наверх, прямо в гору. Я уже предвижу, насколько утомительно это будет, особенно по снегу. Но другого пути

нет. Если бы Бри не была больна, она бы помогла мне, но в ее нынешнем состоянии она не может ничего нести – я даже думаю, что это мне придется ее нести. Я понимаю, что у нас нет другого выбора, как остаться до завтрашнего вечера, чтобы переехать под покровом темноты. Может быть, я становлюсь параноиком – шансы, что кто-нибудь нас увидит, ничтожно малы, но все же лучше быть осторожными. Особенно потому, что я знаю, что здесь есть и другие выжившие. Я в этом уверена.

Я помню первый день, когда мы приехали. Мы обе были напуганы, одиноки и вымотаны. В ту первую ночь мы легли спать голодными и я гадала, как нам вообще удастся выжить. Было ли ошибкой уехать из Манхэттена, бросив маму, бросив, все, что мы знали?

Потом пришло наше первое утро. Я проснулась, открыла дверь и была поражена, увидев там тушу мертвого оленя. Сначала я испугалась. Я думала, это угроза, предупреждение, что кто-то говорит нам уезжать, что нам здесь не рады. Но поборов первоначальный ужас, я поняла, что это наоборот подарок. Наверное, кто-то, другой выживший, наблюдал за нами. Он увидел в каком мы отчаянии и проявил небывалую щедрость, решив отдать нам свою добычу, нашу первую еду, которой ему хватило бы на несколько недель. Я даже не могу представить, насколько дорого это ему обошлось.

Я помню, как изучала окрестности, оглядывая все вокруг, вверх и вниз горы, вглядываясь в кроны деревьев, ожидая, что кто-то высунется и помашет нам. Но никто не показывался. Все, что я видела, были деревья, – вопреки моим ожиданиям не было даже животных, одна тишина. Но я знала, я просто знала, что за нами наблюдают. Я знала, что где-то здесь есть еще люди – выжившие, как и мы.

С того самого времени я немного горжусь тем, что являюсь частью негласной общины обособленных выживших, которые живут где-то в горах, держась особняком, и никогда не общаются друг с другом, опасаясь быть увиденными охотниками. Я предполагаю, что именно благодаря этому они сумели выжить так долго – они ничего не оставляли на волю случая. Поначалу я этого не понимала. Но сейчас я ценю это. И с этих пор, даже никого не видя, я никогда не чувствовала себя одинокой.

Но это сделало меня и более бдительной; если те выжившие до сих пор живы, они скорее всего умирают от голода и полностью отчаялись, как и мы. Особенно в зимние месяцы. Кто знает, возможно, из-за голода или потребности защищать свои семьи они приблизились к границе отчаяния, возможно, их щедрость сменилась инстинктом выживания. Я знаю, ведь мысли о голодающих Бри, Саше и самой себе иногда вызывают во мне очень безрассудные мысли. Поэтому я не стану представлять дело случаю. Мы поедем ночью.

В любом случае, так будет лучше. Мне нужно будет забраться туда утром в одиночестве, еще раз все изучить, чтобы еще раз удостовериться, что ни внутри, ни снаружи никого нет. Мне также надо будет вернуться на то место, где я видела оленя и дождаться его. Я знаю, что это займет много времени, но если мне удастся найти его и убить, мы сможем питаться им неделями. Большая часть того первого оленя, которого нам подарили несколько лет назад, испортилась, поскольку я не знала, как правильно освежевать его, как разделать и как хранить. Я сделала все как попало и все, что мне удалось получить с него, был только один ужин, перед тем, как все мясо не сгнило. Это была чудовищная трата еды и я полна решимости не допустить этого снова. В этот раз, к тому же благодаря снегу, я найду способ сохранить его.

Я лезу в карман и достаю нож, который мне подарил папа перед тем как уйти; я тру потрепанную ручку, на которой выгравированы его инициалы, украшенную логотипом морской пехоты, как и каждую ночь, с тех пор, как мы сюда приехали. Я говорю себе, что он все еще живой. Даже после стольких лет, даже зная, что шансы увидеть его близки к нулю, я все еще не могу смириться с этой мыслью.

Каждую ночь я хочу, чтобы папа не уходил, чтобы он не вызывался волонтером на войну. Начать с того, что это была глупая война. Я никогда не могла понять, как все это началось, и

до сих пор не понимаю. Папа объяснял мне несколько раз, но я все равно ничего не поняла. Может быть, в силу возраста. Может быть, я еще недостаточно выросла, чтобы понять, какие бессмысленные вещи взрослые делают по отношению друг к другу.

Папа объяснял это как вторую гражданскую войну в Америке – на этот раз не между Севером и Югом, а между политическими партиями. Между Демократами и Республиканцами. Он говорил, что эта война назревала давно. Последние сто лет Америка постепенно становилась страной двух народов: крайние правые и крайние левые. С течением времени эти позиции настолько укрепились, что Америка стала государством с противоположными идеологиями.

Папа говорил, что левые, Демократы, хотели, чтобы страной управляло расширенное правительство, которое бы подняло налоги до 70 % и принимало бы участие в каждом аспекте жизни человека. Правые же, Республиканцы, продолжали стремиться к учреждению компактного правительства, которое бы упразднило налоги и оставило человека в покое, предоставив ему самому о себе заботиться. Он сказал, что со временем эти две совершенно разные идеологии вместо того, чтобы прийти к компромиссу, продолжали расходиться в разные стороны, становясь все более радикальными – пока наконец не наступил тот момент, когда точек соприкосновения не осталось вообще.

По его словам, ухудшило ситуацию то, что Америка становилась слишком многолюдной и политикам было все труднее захватить внимание народа. Тогда они поняли, что лишь придерживаясь резко противоположных позиций, можно занять эфирное время, которое им было нужно для удовлетворения личных амбиций.

В результате этого самые выдающиеся люди обеих партий стали наиболее радикальными, стараясь переплюнуть соперника, и занимали позиции, в которые и сами не очень-то верили, но не сделать этого они уже не могли. Естественно, на дебатах партии могли только сталкиваться – что они и делали, каждый раз все жестче и жестче. Сначала борьба шла между личностями и носила устный характер. Но затем она переросла словесную войну. И однажды зашла за точку невозврата.

Переломный момент наступил лет десять тому назад, когда один политический лидер стал угрожать другому и произнес роковое слово: «раскол». Если Демократы попытаются поднять налоги хоть на один цент, партия Республиканцев выйдет из союза и каждая деревня, каждый город, каждый штат окажутся разделенными надвое. Не территориально, но идеологически.

Он не мог выбрать более подходящее время: в этот период в стране был экономический кризис и недовольных, сытых по горло отсутствием работы, было предостаточно, чтобы он смог завоевать популярность. Средства массовой информации были в восторге от его рейтингов и предоставляли ему все больше эфирного времени. Вскоре его популярность еще выросла. В конце концов никто уже не мог остановить его, и поскольку Демократы не хотели идти на компромисс, а импульс уже был дан, его идеи еще упрочились. Партия пообещала их народу собственный флаг и валюту.

Это был первый переломный момент. Если бы кто-нибудь вышел вперед тогда и остановил его, возможно, все бы остановилось. Но никто не вышел. И он пошел еще дальше.

Подстегнутый всеобщим одобрением, политик пообещал собственную полицию новому государству, собственные суды, солдат и армию. Это был второй переломный момент.

Если бы президент партии Демократов в то время был хорошим лидером, он мог бы все остановить. Но он только ухудшил ситуацию, принимая одно неверное решение за другим. Вместо того, чтобы попытаться умиротворить все, бороться с ключевыми проблемами, которые привели к недовольству, он решил, что единственный способ подавить «Восстание», как он это называл, был жесткий политический курс: он обвинил все руководство Республиканцев в подстрекательстве к мятежу. Он объявил военное положение и арестовал их всех в течение одной ночи.

Это привело к обострению ситуации и сплочению всей партии Демократов, а также дроблению войск. Люди оказались разделены в каждом доме, каждом городе, каждой казарме; постепенно на улицах нарастало напряжение, сосед стал ненавидеть соседа. Даже семьи оказались разделены.

Однажды ночью верные Республиканцам офицеры согласно секретным приказам осуществили переворот и освободили их из заключения. Здание правительства осадили. И там, на ступенях конгресса США, прозвучал первый, роковой, выстрел. Когда погиб первый солдат, обратного пути уже не было. Была пересечена последняя черта. Американец убил американца. Последовала перестрелка, в ходе которой погибли десятки офицеров. Республиканское правительство вывезли в секретное место. С того момента армия разделилась напополам. Правительство разделилось напополам. Города, деревни, округа и штаты разделились напополам. Это стало известно как Первая Волна.

В течение первых нескольких дней антикризисные менеджеры и правительственные фракции старались восстановить мир. Но попытки их были тщетны и предприняты были слишком поздно. Ничего не было способно предотвратить надвигающуюся бурю. Дело взяла в руки фракция воинственно настроенных генералов, жаждущих славы, которые хотели быть первыми в войне, получить преимущество в скорости и неожиданности. Они решили, что разгромить оппозицию немедленно станет лучшим способом покончить со всем этим.

Война началась. На американской земле загремели битвы. Питтсбург стал новым Геттисбергом с двухстами тысячами убитых за одну неделю. Против танков выступили танки. Самолеты против самолетов. Каждый день, каждую неделю насилия становилось все больше. Военные и полицейские силы разделились, а бои теперь грохотали в каждом штате страны. Все и везде воевали, друг шел на друга, брат на брата. Наконец дошло до того, что никто уже не знал, за что все воюют. Всю страну захлестнула волна крови, и никто не был способен ее остановить. Это стало известно как Вторая Волна.

К этому моменту, хоть и было пролито много крови, но это все еще была обычная война. Но затем пришла Третья Волна, худшая из всех. Президент, в отчаянии руководя страной из секретного бункера, решил подавить это, как он настаивал, «Восстание», раз и навсегда. Его лучшие офицеры посоветовали ему использовать последние ресурсы: локальные и направленные ядерные ракеты. Он дал согласие.

На следующий день на стратегические опорные пункты Республиканцев был сброшен опасный груз. Сотни тысяч погибли в тот день в Неваде, Техасе, Миссисиппи. Миллионы погибли на второй день.

Республиканцы ответили. Они использовали свои собственные ресурсы, напали на командование воздушной обороны Северной Америки и спустили боеголовки на базы Демократов. Такие штаты как Мэн и Нью-Хэмпшир были выпотрошены. За следующие десять дней практически вся Америка была разгромлена, город за городом. Волна за волной приходило полнейшее опустошение и те, кто не был непосредственно убит в бою, вскоре умирали сами от зараженного воздуха и воды. Не прошло и месяца, как не осталось ни одного, способного воевать. Улицы и здания опустевали, когда люди шли воевать против бывших соседей.

Но папа даже не дождался призыва – и именно потому я его ненавижу. Он ушел задолго до этого. До всех этих событий он двенадцать лет служил в морской пехоте и он увидел, к чему все идет, намного раньше остальных. Каждый раз, когда он смотрел новости, каждый раз, когда он видел, как два политика орут друг на друга безо всякого уважения, все громче и громче, папа качал головой и говорил: «Это приведет к войне. Верь мне.»

И он оказался прав. По иронии судьбы, папа отслужил свое и ушел в отставку намного раньше всех этих событий; но в тот же день, когда прозвучал первый выстрел, он снова поступил на службу. Когда еще и речи не было о войне. Он был, наверное, самым первым волонтером в войне, которая еще даже не началась.

И поэтому я все еще злюсь на него. Зачем ему понадобилось это делать? Почему он не мог просто позволить всем убивать друг друга? Почему он не мог остаться дома, чтобы защищать нас? Почему он заботился о стране больше, чем о своей семье?

Я до сих пор прекрасно помню тот день, когда он ушел. Я вернулась со школы и прежде, чем успела открыть дверь, я услышала крики, доносящиеся изнутри. Я постаралась взять себя в руки. Я терпеть не могла, когда папа с мамой ругались, а происходило это постоянно, и я подумала, что это просто их очередная ссора.

Я открыла дверь и с первой же секунды поняла, что это был не тот случай. Происходило что-то совсем, совсем неправильное. Папа стоял, одетый в форму. Это было очень странно. Он не надевал форму уже много лет. Зачем ему понадобилось сделать это сейчас?

– Ты не мужчина! – кричала на него мама. – Ты трус! Бросаешь свою семью. Ради чего? Чтобы убивать невинных людей?

Папино лицо покраснело, как всегда, когда он злился.

– Ты не знаешь, о чем говоришь! – кричал он в ответ. – Я выполняю свой долг перед страной. Это правильный поступок.

– Правильный поступок для *кого*? – парировала она. – Ты даже не знаешь, за что борешься. За горстку тупых политиков?

– Я совершенно точно знаю, за что я сражаюсь: за единую нацию.

– О, ну извините, капитан Америка! – кричала она на него. – Ты можешь оправдываться сколько угодно, но правда в том, что ты уходишь, потому что терпеть не можешь меня. Потому что ты никогда не знал, как прожить нормальную жизнь. Потому что ты слишком глуп, чтобы чего-то добиться в жизни после армии. Поэтому ты срываешься и при первой же возможности...

Папа остановил ее тяжелой оплеухой по лицу. Этот звук до сих пор звенит у меня в ушах.

Я была в шоке; я никогда не видела, чтобы он распускал руки. Я почувствовала обиду, как если бы удар пришелся по моему лицу. Я смотрела на него и не могла его узнать. Действительно ли это был мой отец? Я была в таком шоке, что выронила свои учебники и они глухо ударились о пол.

Они оба повернулись и посмотрели на меня. Подавленная, я бросилась по коридору в свою спальню и с шумом захлопнула за собой дверь. Я не знала, как отреагировать на все это и хотела просто скрыться от всего.

Минуту спустя в дверь раздался тихий стук.

– Брук, это я, – произнес папа мягко и с раскаянием. – Мне жаль, что ты это видела. Пожалуйста,пусти меня.

– Уходи! – заорала я в ответ.

Последовало длительное молчание. Но он все еще не уходил.

– Брук, мне нужно идти. Я бы хотел посмотреть на тебя последний раз перед тем, как уйду. Пожалуйста. Выйди и попрощайся со мной.

Я начала плакать.

– Уходи! – рявкнула я снова. Я была так ошеломлена, так зла на него за то, что он ударил маму, и еще более зла за то, что он бросал нас. А глубоко внутри я боялась, что он никогда не вернется.

– Я уйду, Брук, – сказал он. – Не открывай дверь. Но я хочу, чтоб ты знала, как сильно я люблю тебя. Я всегда буду с тобой. Помни, Брук, ты сильная. Позаботься о семье. Я на тебя рассчитываю. Позаботься о них.

Затем я услышала отдаляющиеся папины шаги. Они становились все тише и тише. Через несколько секунд я услышала, как входная дверь открылась, а потом закрылась.

И все.

Через пару минут – они тянулись как дни – я открыла дверь. Я уже все поняла. Он ушел. И я уже об этом жалела; жалела, что не попрощалась. Потому что я уже ощущала, где-то глубоко внутри, что он никогда не вернется.

Мама сидела за кухонным столом, опустив голову на руки, и тихо плакала. Я знала, что все изменится навсегда с этого дня, что все никогда уже не будет прежним – что *она* никогда не будет прежней. И я не буду.

Так и произошло. Я сижу здесь, смотрю на угасающие угольки, с тяжелыми глазами, и понимаю, что с того дня все совершенно изменилось.

* * *

Я стою в нашей старой квартире в Манхэттэне. Не знаю, что я здесь делаю и как я сюда попала. Все кажется бессмысленным, потому что квартира совсем не такая, какой я ее помню. В ней совершенно нет мебели, как будто мы в ней никогда не жили. Я одна.

Неожиданно в дверь раздается стук и входит папа, весь в форме, в руках у него портфель. Его глаза пустые, как будто он только что побывал в аду и вернулся назад.

«Папочка!» – начинаю я кричать. Но слов не слышно. Я смотрю вниз и понимаю, что приклеена к полу, меня закрывает стена и он не может меня увидеть. Я изо всех сил стараюсь освободиться, чтобы подбежать к нему, крикнуть его имя, но ничего не получается. Мне приходится беспомощно смотреть, как он ходит по квартире, осматриваясь по сторонам.

«Брук? – кричит он. – Ты здесь? Кто-нибудь дома?»

Я пытаюсь ответить, но у меня нет голоса. Он ищет во всех комнатах.

«Я сказал, что я вернусь, – говорит он. – Но почему меня никто не дождался?»

Тут он начинает плакать.

Мое сердце обливается кровью, я стараюсь крикнуть ему, но как бы сильно я ни старалась, ничего не выходит.

В конце концов он поворачивается и выходит из квартиры, осторожно прикрывая за собой дверь. Щелчок ручки вибрирует, отражаясь от пустых стен.

«ПАПОЧКА!» – я кричу, наконец обретя голос.

Но уже слишком поздно. Я знаю, что он ушел навсегда и что это моя ошибка.

Я моргаю и тут я понимаю, что я снова в горах, в папином доме, сижу в его любимом кресле напротив камина. Папа сидит на диване, наклонившись вперед, опустив голову и играя своим ножом с эмблемой морской пехоты. Я с ужасом вижу, что половина его лица растаяла так, что просвечивает кость. Я вижу половину его черепа.

Он поднимает голову и смотрит на меня; мне страшно.

«Ты не можешь прятаться здесь вечно, Брук, – говорит он размеренно. – Ты думаешь, ты здесь в безопасности. Но они придут за тобой. Бери Бри и прячься.»

Он встает на ноги, подходит ко мне, хватая за плечи и трясет меня. Его глаза горят от напряжения. «ТЫ МЕНЯ УСЛЫШАЛ, СОЛДАТ?!» – кричит он.

Он исчезает, при этом все двери и окна с грохотом вылетают, под неблагозвучный аккомпанемент бьющегося стекла.

В наш дом врывается дюжина охотников за головами с ружьями наперевес. Они одеты в свою отличительную униформу, чисто черную с головы до ног, с черными масками на лицах, и осматривают каждый уголок дома. Один из них стаскивает Бри с дивана и уносит, несмотря на ее крики, в то время как другой подбегает ко мне, хватая за руку и направляет пистолет прямо мне в лицо.

Он стреляет.

Я с криком просыпаюсь, сбита с толку.

Я чувствую пальцы на своей руке и не могу отличить сон от реальности; я готова драться. Я смотрю вверх и вижу, что это Бри, она стоит рядом и держит меня за руку.

Я все еще сижу в папином кресле, но теперь комната заполнена солнечным светом. Бри надрывно плачет.

Я моргаю несколько раз и сажусь, стараясь прийти в себя. Это был лишь сон? Все выглядело очень реально.

– Мне приснился кошмар! – плачет Бри, все еще впиваясь в мою руку;

Я вижу, что огонь погас уже давно. Вижу яркий солнечный свет и понимаю, что, должно быть, уже позднее утро. Я не могу поверить, что заснула прямо в кресле – раньше со мной такого не бывало.

Я трясу головой, стараясь разобраться во всем. Сон был настолько реалистичен, что даже не верится, что всего этого не происходило. Папа снился мне и раньше, много раз, но никогда сон не был таким настоящим. Мне трудно понять, что он не находится в комнате со мной, и я снова смотрю вокруг, чтобы убедиться в этом.

Бри дергает меня за руку, все еще не успокоившись. Я никогда не видела ее в таком состоянии раньше.

Я опускаюсь на колени и обнимаю ее. Она цепляется за меня.

– Мне приснилось, что эти люди пришли и забрали меня! А тебя не было, чтобы спасти меня! – плачет Бри на моем плече. – Не уходи! – умоляет она в истерике. – Пожалуйста, не уходи. Не оставляй меня!

– Я никуда не собираюсь, – говорю я, крепко ее обнимая. – Тише... Все хорошо... Не о чем беспокоиться. Все в порядке.

Но глубоко в душе я не могу отделаться от чувства, что все *не* в порядке. А как раз наоборот. Мой сон меня сильно встревожил, а то что Бри тоже снился такой кошмар – причем как раз о том же – также не успокаивало. Я не слишком-то верю в предзнаменования, но я не могу не задуматься, что это может быть знаком. Однако никакого шума не слышно, и если бы кто-то был в километре от нас, я бы это знала.

Я поднимаю личико Бри за подбородок и вытираю ее слезы. «Глубоко вздохни,» – говорю я.

Бри слушается и мало-помалу начинает дышать ровнее. Я заставляю себя улыбнуться. «Видишь, – говорю я. – Я здесь. Ничего страшного не произошло. Это просто кошмар. Да?»

Бри медленно кивает.

– Ты просто слишком устала, – говорю я. – А еще у тебя поднялась температура. Поэтому тебе снятся кошмары. Все наладится.

Стоя на коленях и обнимая Бри, я вспоминаю, что мне нужно собираться, лезть в гору, обследовать наш новый дом и искать еду. У меня екает сердце, когда я думаю, как сообщу новость Бри и как она отреагирует. Да, я не могла выбрать худшее время. Как мне вообще сказать ей, что мне придется уйти сейчас? Даже на час или на два? Часть меня хочет остаться здесь, чтобы присматривать за ней весь день; но я понимаю, что мне нужно идти, и чем скорее я закончу со всеми делами, тем скорее мы будем в безопасности. Я не могу просто сидеть здесь весь день и ничего не делать в ожидании наступления ночи. И я не могу менять план и переезжать днем только лишь из-за глупого сна – это было бы слишком рискованно.

Я отодвигаю Бри назад, убрав с ее лица волосы и улыбнувшись настолько сладко, насколько я была способна. Я готовлюсь говорить самым сильным, самым взрослым гоосом, каким могу.

– Бри, я хочу, чтобы ты меня послушала, – произношу я. – Мне нужно будет уйти, совсем ненадолго...

– НЕТ! – вопит она. – Я ЗНАЛА это! Все как в моем сне! Ты собираешься бросить меня! Ты никогда не вернешься!

Я решительно сжимаю ее плечи, пытаюсь успокоить.

– Это не так, – говорю я твердо. – Мне лишь надо будет отлучиться на пару часов. Мне нужно убедиться, что наш новый дом безопасный, чтобы мы могли переехать туда сегодня вечером. А еще мне нужно добыть еды. Пожалуйста, Бри, пойми меня. Я бы взяла тебя с собой, но ты сейчас слишком слаба и тебе нужен отдых. Я вернусь совсем скоро. Обещаю. А потом вечером мы пойдем туда вместе. А знаешь, что лучше всего?

Она медленно поднимает на меня глаза, все еще плача, и мотает головой.

– С сегодняшнего дня мы будем там жить вместе, в полной безопасности, и зажигать каждую ночь камин, и у нас будет еда. И я смогу охотиться и рыбачить и делать все, что нужно, прямо напротив дома. Мне никогда больше не придется уходить.

– И Саша пойдет с нами? – спрашивает она сквозь слезы.

– И Саша, – говорю я. – Обещаю. Пожалуйста, верь мне. Я вернусь за тобой. И я никогда тебя не оставлю.

– Ты обещаешь? – спрашивает она.

Я отвечаю со всей серьезностью, смотря прямо в ее глаза.

– Я обещаю.

Бри постепенно перестает плакать и кивает, выглядя удовлетворенной.

С болью в сердце я наклоняюсь, целую ее в лоб, затем встаю, прохожу по комнате и выхожу в дверь. Я знаю, что задержись я хоть на секунду, я уже не смогу заставить себя уйти.

И, слыша за собой стук захлопнувшейся двери, я не могу побороть ужасное предчувствие, что никогда больше не увижу свою сестру.

Три

Я взбираюсь в гору в ярком утреннем свете, который сильно отражается от снега. Царство белизны. Солнце сияет так сильно, что я едва что-то вижу во всем этом блеске. Я бы отдала все, что угодно, за солнечные очки или кепку.

Сегодня, к счастью, нет ветра и теплее, чем вчера, – взбираясь, я вижу, что вокруг тает снег, ручейками стекая с холмов и обрушиваясь целыми сугробами с сосновых веток. Снег стал мягче, а поэтому и идти стало проще.

Я оглядываюсь через плечо, осматриваю долину, которая простирается внизу, и вижу, что дороги снова стали частично видимы в утреннем солнце. Это меня тревожит, но я опять упрекаю себя, что позволяю себе отвлекаться на нелепые «предзнаменования». Я должна быть жестче. И рациональней, как папа.

На мне капюшон, но когда я наклоняю голову, защищая шею от ветра, который становится все сильнее по мере того, как я поднимаюсь, я все больше жалею, что не надела новый шарф. Я тру ладони, жалея, что перчаток у меня тоже нет, и ускоряю шаг. Я полна решимости побыстрее добраться дотуда, обследовать домик, поискать оленя и скорее бежать обратно к Бри. Может быть, я добуду еще пару банок с вареньем, чтобы порадовать ее.

Я иду по своим вчерашним следам, все еще виднеющимся в таящем снегу, и на этот раз взбираться куда легче. Через двадцать минут я уже иду по верхнему плато.

Я уверена, что я на том же месте, где была вчера, но как я ни ишу домик, я никак не могу его найти. Он слишком хорошо спрятан, поэтому даже зная, где искать, я все еще не вижу его. Я начинаю сомневаться, что пришла в правильное место. Я продолжаю идти по своим следам, пока не оказываюсь в той же самой точке, в которой стояла за день до этого. Я вытягиваю шею и, наконец, замечаю его. Я удивлена тому, как хорошо он замаскирован и еще больше убеждаюсь, что нам нужно жить здесь.

Я встаю и прислушиваюсь. Все тихо, за исключением струящегося ручья. Я тщательно осматриваю снег в поисках следов того, кто мог входить сюда со вчерашнего дня, кроме меня. Все пусто.

Я подхожу к двери, встаю напротив дома, разворачиваюсь на 360 градусов, просматривая лес во всех направлениях, изучая деревья, ища хоть какие-то повреждения, какое-либо свидетельство того, что здесь кто-то был. Я стою по меньшей мере с минуту, прислушиваясь. Но ничего нет. Абсолютно ничего.

Наконец, я убеждаюсь, что это место действительно наше и только наше.

Я тяну тяжелую дверь, заваленную снегом, и внутрь дома льется яркий свет. Когда я засовываю туда голову, я понимаю, что вижу все впервые при свете. Все настолько же маленькое и уютное, как я и представляла себе. Я вижу, что на самом деле пол покрыт широкими деревянными плашками, которым на вид не менее ста лет. Внутри стоит тишина. Маленькие, открытые нараспашку окна со всех сторон пропускают достаточно света.

Я осматриваю комнату, желая найти что-нибудь, что я просмотрела вчера в темноте – но ничего не нахожу. Я смотрю вниз на ручку от люка, опускаюсь на колени и, дернув, открываю подвал. Он отворяется, подняв в воздух множество пылинок, которые пляшут в солнечных лучах.

Я сползаю по лестнице, и на этот раз света достаточно, чтобы я могла получше рассмотреть, что здесь стоит. Здесь, наверное, сотни банок. Я замечаю еще несколько банок с малиновым вареньем и хватаю парочку, рассовывая их по карманам. Бри это понравится. Равно как и Саше.

Я мельком смотрю на другие банки и нахожу целую кучу всевозможной еды: маринованные огурцы, помидоры, оливки, квашенная капуста... Я также вижу варенье на любой вкус, по

меньшей мере по дюжине банок каждого вида. Позади первого ряда стоит даже больше. Но у меня нет времени хорошенько все осмотреть. Мысли о Бри не дают мне покоя.

Я взбираюсь вверх по лестнице, закрываю подвал и спешу вон из домика, плотно закрыв за собой входную дверь. Я стою и снова исследую окрестности, на случай если кто-то за мной наблюдает. Я все еще боюсь, что все это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но снова ничего не обнаруживаю. Может быть, я просто слишком взвинчена.

Я направляюсь в ту сторону, где заметила оленя, метрах в тридцати отсюда. Когда я добираться дотуда, я достаю папин нож и держу его под рукой. Я знаю, что это почти безнадежно, но, наверное, все-таки человек – раб привычки. Я никак не могу быть достаточно быстра, чтобы догнать его, и достаточно ловка, чтобы наброситься, оружия или приспособлений для охоты у меня тоже нет. Поэтому я решаю воспользоваться тем шансом, который давал мне нож. Метание ножа – это один из тех моих навыков, которые всегда поражали папу, – по крайней мере он не пытался поправлять меня. Напротив, он ставил это себе в заслугу, утверждая, что это он меня научил этому. На самом же деле, он не мог метнуть нож и наполовину так же хорошо, как я.

Я встаю на колени в том месте, где была раньше, прячась между деревьями и осматривая плато, держа нож в руке и ожидая. Молясь. Все, что я слышу, это шум ветра.

Я прогоняю в голове, что буду делать, если увижу оленя: я медленно встану, прицелюсь и метну нож. Сначала я думаю, что буду целиться в его глаз, но потом решаю изменить цель на горло: если я промажу хоть на пару сантиметров, все еще будет шанс, что куда-то попаду. Если мои руки не сильно замерзнут и я буду точна, то может быть – только может быть – я его пораню. Но я понимаю, что «если» слишком много.

Проходит минута. А кажется, что прошло десять, двадцать, тридцать... Ветер прекращается, потом снова дует порывами и, как это обычно бывает, я чувствую хлопья снега, которые он сдувает с деревьев, на своем лице. Проходит еще немного времени, я начинаю замерзать, конечности онемевают, и я уже думаю, что это была плохая идея. Тут у меня колет в желудке и я думаю, что нужно хотя бы попытаться. Мне нужно достать как можно больше белка, чтобы переехать, – особенно, если я собираюсь толкать вверх мотоцикл.

Примерно через час ожидания я совершенно очоленела. У меня появляется мысль бросить все и начать спускаться с горы. Может быть, лучше опять попробовать поймать рыбу.

Я решаю встать и пройтись, чтобы кровь начала циркулировать в конечностях и руки ожили; если мне понадобится использовать их сейчас, они будут по большей части бесполезны. Поднимаясь на ноги, я чувствую боль в коленях и спине от долгого неподвижного сидения. Я иду по снегу, сначала маленькими шажками. Я поднимаю и сгибаю колени, наклоняюсь вправо и влево. Я засовываю нож обратно за пояс и потираю руки друг о друга, дыша на них и стараюсь восстановить в них чувствительность.

Неожиданно я застываю. Недалеко от меня раздается хруст веточки, я чувствую движение.

Я медленно поворачиваюсь. Там, на вершине холма, я вижу оленя. Он медленно переступает, выбирая места в снегу, осторожно поднимая копыта и опуская их на землю. Он опускает голову и жует ветки, затем аккуратно делает следующий шаг.

Мое сердце стучит от возбуждения. У меня редко появляется чувство, что папа со мной, но сегодня оно есть. Я слышу его голос у себя в голове: *Приготовься. Дыши медленно. Не дай ему тебя заметить. Сфокусируйся.* Если бы мне удалось завалить это животное, оно стало бы пищей – настоящей пищей – для Бри, Саши и меня по крайней мере на неделю. Нам это *нужно*.

Я делаю еще несколько шагов, чтобы выйти на поляну, здесь я вижу его лучше: это большой олень, стоящий примерно в тридцати метрах от меня. Я бы чувствовала себя гораздо уверенней, будь он в десяти метрах, ну или хотя бы в двадцати. Не знаю, попаду ли с такого расстояния. Если бы на улице было теплее и он не двигался – тогда да. Но мои руки онемели,

олень идет, а на пути так много деревьев. Даже не знаю. Я понимаю, что если я промажу, он больше никогда сюда не вернется.

Я стою, изучая обстановку, боясь спугнуть его. Я хочу, чтобы он подошел поближе. Но он как будто не собирается. Я размышляю, что делать. Я могу попытаться атаковать его, подбежав настолько близко, насколько возможно, а затем бросить нож. Но это глупо: всего один метр и он убежит. Я думаю, стоит ли пытаться подкрасться к нему. Но сомневаюсь, что это тоже сработает. Малейший звук – и он обратится в бегство.

Поэтому я стою здесь и рассуждаю. Я делаю маленький шаг вперед, занимая лучшую позицию, на случай, если придется метнуть нож. И этот шаг становится роковым.

Под моей ногой хрустит веточка и олень мгновенно поднимает голову и смотрит на меня. Мы встречаемся глазами. Я знаю, что он видит меня и готов ударить. Мое сердце бухает в груди, я понимаю, что это мой единственный шанс. Мои мысли застывают.

Затем я резко действую. Я наклоняюсь вперед, выхватываю нож, делаю большой шаг вперед и, полагаясь на свои навыки, кидаю его, целясь прямо ему в горло.

Тяжелый пехотный нож папы кувыркается в воздухе, а я молюсь, чтобы он не врезался в дерево. Он выглядит красиво, поднимаясь поочередно разными концами в воздух и блестя на солнце. В тот же самый миг я вижу, что олень поворачивается и готовится бежать.

Я слишком далеко, чтобы разглядеть, что именно произошло, но через секунду я могу поклясться, что услышала звук ножа, входящего в плоть. Но олень соскакивает с места и я не могу понять, ранен ли он.

Я срываюсь вслед за ним. Добравшись до точки, на которой он стоял, я удивленно замечаю алую кровь на снегу. Сердце трепещет у меня в груди, наполнившись воодушевлением.

Я следую по кровавому следу, бегу и перепрыгиваю через скалы и где-то через пятьдесят метров нахожу его, рухнувшего в снег; мышцы его ног подергиваются. Я вижу нож, который торчит из его горла. Точно из той точки, в которую я целилась.

Олень все еще жив, но я не знаю, как облегчить его боль. Я ощущаю его страдания и чувствую себя ужасно. Я хочу, чтобы смерть его была быстрой и безболезненной, но ничего не могу придумать.

Я встаю на колени и вытаскиваю нож, наклоняюсь и быстрым движением провожу ему по горлу, глубоко втыкая лезвие, надеясь, что это сработает. Мгновенье спустя из раны струей начинает бить кровь и уже через десять секунд олень перестает шевелиться. Его глаза замирают, и я понимаю, что теперь он мертв.

Я встаю, глядя вниз, сжимая в руке нож, и меня переполняет чувство вины. Я ощущаю себя первобытным человеком, поднявшим руку на такое красивое, незащищенное существо. В тот момент мне сложно понять, как сильно мы нуждаемся в еде, как мне вообще повезло поймать его. Все, о чем я думаю, это то, что несколько минут назад оно еще дышало, как я. А теперь оно мертво. Я смотрю на него, лежащего совершенно неподвижно в снегу, и мне стыдно.

В этот самый момент я впервые слышу это. Поначалу я не придаю этому значения, посчитав, что мне показалось и что это невозможно. Но через несколько секунд звук становится громче и отчетливей, и я понимаю, что он реальный. Мое сердце бьется как сумасшедшее, когда я понимаю, что это за звук. Это звук, который я только однажды слышала здесь. Это рычание мотора. Мотора машины.

Я стою в потрясении и даже не могу пошевелиться. Звук все нарастает, становится еще более четким и теперь я уже знаю, что он означает только одно. Охотников за головами. Никто бы не отважился заехать так высоко без веской на то причины.

Я бросаюсь бежать, оставив оленя, пролетая между деревьями, проскочив мимо дома, и несусь вниз с горы. Я бегу недостаточно быстро. Я думаю о Бри, сидящей в доме в полном одиночестве, и слышащей, как рев мотора становится все громче. Я пытаюсь увеличить скорость и бегу по склону прямо по снегу, то и дело спотыкаясь, сердце колотится где-то в горле.

Я бегу так быстро, что падаю, прямо вниз лицом, обдираю колени и локти, у меня перехватывает дыхание. Я с трудом встаю снова на ноги, замечая на колене и на руке кровь, но меня это мало беспокоит. Я заставляю себя снова побежать, сначала трусцой, но постепенно разгоняясь.

Спотыкаясь и подскользываясь, я наконец достигаю плато и оттуда вижу весь путь с горы до дома. Сердце бултыхается где-то в горле: я отчетливо вижу в снегу следы машины, ведущие напрямик к нашему дому. Входная дверь открыта. Но самое жуткое то, что Саша не лает.

Я спускаюсь все ниже и ниже и наконец могу хорошенько разглядеть две машины, припаркованные у дома: это машины охотников за головами. Черные, заниженные, с огромными шинами и решетками на окнах, они похожи на перекачанного спортсмена на стероидах. Крыши украшены эмблемой Первой Арены, ясно видной даже на расстоянии – бриллиант с шакалом в центре. Они здесь, чтобы прокормить арену.

Я бегу дальше вниз с холма. Мне нужно стать легче. Я лезу в карманы, вытаскиваю две банки с вареньем и швыряю их на землю. Я слышу звук разбитого стекла позади себя, но мне плевать. Сейчас все это неважно.

Мне остается всего метров сто, когда я вижу, что моторы машин завелись, готовые тронуться. Они направляются вниз по извивающейся проселочной дороге. Я готова разреваться, осознав, что произошло.

Через тридцать секунд я уже около дома и пробегаю мимо него на дорогу, пытаюсь догнать их. Я уже знаю, что в доме пусто.

Я опоздала. Машин уже и след простыл. Смотря вниз с горы, я вижу их – они уже в полутора километрах и все набирают скорость. Догнать их на своих двоих невозможно.

Я бегу обратно в дом, надеясь, что, может быть, Бри чудом удалось спрятаться, или что они оставили ее. Я пробегаю через открытую входную дверь и замираю в ужасе: повсюду здесь кровь. На полу лежит мертвый охотник, весь в черном, из его горла хлещет кровь. Рядом с ним на боку лежит Саша, тоже мертва. Из ее бока, из отверстия, похожего на пулевое ранение, тоже льется кровь. Ее зубы впиваются в горло трупа. Становится ясно, что произошло: Саша попыталась защитить Бри, напала на человека, вошедшего в дом и впиалась зубами в его горло. Остальные, должно быть, застрелили ее. Но она все равно не отпустила свою добычу.

Я пробегаю из комнаты в комнату, выкрикивая имя Бри и слыша отчаяние в собственном голосе. Это не мой голос – это голос безумца.

Но все двери открыты настежь и везде пусто.

Охотники за головами забрали мою сестру.

Четыре

Я стою в папиной гостиной в состоянии шока. С одной стороны, я всегда боялась, что этот день придет; и все же теперь, когда он пришел, я не могу поверить в происходящее. Меня переполняет чувство вины. Неужели нас выдал огонь, зажженный вчера? Они увидели дым? Почему я не могла быть более осторожной?

Я ненавижу себя за то, что оставила Бри одну сегодня утром – особенно после наших ночных кошмаров. Перед глазами висит ее лицо, плачущее и умоляющее меня не уходить. Почему я не послушала ее? Доверилась своим инстинктам? Оглядываясь назад, я не могу отделаться от чувства, что папа действительно предупреждал меня. Почему я не придала этому значения?

Ничего из этого уже не важно и я не задумывалась и на мгновение. Я готова к действиям и ни в коем случае не собираюсь сдать и отпустить Бри. Я уже бегу по дому и не теряю ни одной драгоценной минуты, необходимой для того, чтобы выследить охотников и спасти Бри.

Я подбегаю к телу охотника и быстро осматриваю его: он одет в свое отличительное черное обмундирование, состоящее из черных боевых бот, черного камуфляжа и черной футболки с длинными рукавами под тесно облегающей черной курткой-бомбером. На его лице все еще черная маска с эмблемой Первой Арены – клеймо охотника за головами – и маленький черный шлем. Это ему мало помогло – Саша все равно умудрилась вонзить зубы в его горло. Я гляжу на Сашу и у меня щемит сердце от этого зрелища. Я ей так благодарна за то, что она ввязалась в такую драку. Я чувствую себя виноватой за то, что оставила ее тоже. Я смотрю на ее тело и клянусь себе, что когда я освобожу Бри, я вернусь сюда и похороню ее как следует.

Я быстро обыскиваю труп охотника на предмет чего-нибудь ценного. Я начинаю с того, что снимаю его ремень с оружием и застегиваю его на собственной талии, крепко затянув. На нем кобура и пистолет, который я достаю и тщательно проверяю: полный патронов, он кажется полностью рабочим. Он на вес золота – и теперь он мой. На поясе есть и несколько запасных обойм.

Я снимаю его шлем и смотрю ему в лицо, с удивлением обнаружив, что он моложе, чем я думала. Наверное, не старше 18. Не все охотники за головами – безжалостные наемные убийцы, некоторых из них заставили служить создателям Арены, которым принадлежала реальная власть. И все же я не чувствую к нему симпатии. Заставили его или нет – он пришел сюда, чтобы забрать жизнь моей сестры – и мою тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.